

*Роман
Ударцев*

**Сумрачный
Мир**

16+

Роман Ударцев
Сумрачный мир

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ударцев Р. С.

Сумрачный мир / Р. С. Ударцев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Совестливым да честным очень непросто живется в этом мире. Особенно, если они атеисты, и им не на кого переложить собственные грехи. Их ждет ад. Но и ад может стать домом, если приложить чуть-чуть усилий и здравого смысла. А за дом можно и нужно бороться. Тогда демону, сексуальной рабыне и бойцу спецназа придется вступить в противостояние с тем, кто неизмеримо больше и сильнее. А еще им нужно победить, потому что позади семья и друзья. Победить, хотя это почти невозможно. Когда любовь не вздох под Луной, а выбор, ничто не остановит героев, даже смерть.

Изображение для обложки взято с сайта бесплатных изображений Пиксабай: <https://pixabay.com/ru/illustrations/земля-нло-мир-глобус-пейзаж-земли-1971519/>

Часть первая.

Прогулка за пришельцем.

Глава первая.

Хлорофилловые грибы притаились за старым магазином. Большая колония, штук двадцать крупных, размером с кулак и россыпь, несколько сотен, мелких, не больше ногтя. Взрослые уже перезрели и стали зелеными, их вари не вари, будут жесткими, такие не сгрызешь. Но молодые, еще фиолетовые, отбрасывающие блики на грязную стену, были деликатесом. Рита сглотнула слюну и позвала мужа:

– Миша, иди сюда! Смотри, что я нашла!

– Сейчас иду. – голос мужа был напряженным, Рита испуганно глянула за угол, опасаясь за него.

Сердце обмерло, Миша стоял, широко расставив ноги, и боролся с кем-то. Приглядевшись, Рита хихикнула. К бетонному столбу прилепился квазимодо, а ее мужчина воткнул ему в пасть обрезок кабеля и отчаянно пытался достать жевательное кольцо. Разумеется, квазимодо был не в восторге от такой затеи. Он шипел, жаловался и плевался.

Миша отчаянно матерился, вот-вот, квазимодо выплюнет кабель, и тогда жевательное кольцо не достанешь. Штаны мужа разошлись по шву, открыв миру и Рите вид на его ягодички. Возможно, кому-то бы это показалось забавным, но ее восхищало его упорство. И ум, про себя добавила Рита, другие просто впихивают в открытую, похожую на угольно-черный унитаз, пасть, что под руку попадет, а Миша подготовился и привязал к концу кабеля кусок арматуры.

Глупый квазимодо заглотив его, и ржавая железка зацепилась за жевательные кольца. Еще мгновение и Миша огласил окрестности торжествующим воплем, на конце кабеля болталось, покрытое черной скользкой слизью, жевательное кольцо.

Квазимодо, напоследок, обиженно плюнул в сторону человека и закрыл пасть. Теперь месяц рта не раскроет, будет новое кольцо отращивать.

Миша радостно улыбался и шагал к жене. Рита едва успела отскочить, чтобы он ее не обнял, квазимодо заплевал его с ног до головы.

– Для тебя же стараюсь! – муж сделал вид что обиделся, впрочем, Рита не слишком доверяла его тону, знала, что он дурачится – Может Машке подарить?

– Я бы тебя поцеловала, – хохоча, оправдывалась Рита – но на тебе не осталось ни одного чистого местечка – Миша, вроде как ненароком шагнул к ней, но Рита была готова к обманному маневру и ловко увернулась – нет, сначала мыться!

Ворча, мужчина пошел к пруду, полупрозрачные лягушки разбежались в стороны, когда он вошел в воду. Свежая слюна квазимодо отмывалась легко, не то, что засохшая, которую использовала Мать Штриха, чтобы наносить взрослые рисунки на лбы девочек, что становятся девушками. Рита машинально потерла лоб, где уже семь сезонов цвела Роза.

Потом она опомнилась и пошла, собирать грибы. Собрала даже больше, чем рассчитывала, почти полное ведерко. Этим, конечно, Семью не накормишь, но десерт обеспечен. Кроме того, Врач говорит, что хлорофилловый гриб полезен для женской красоты, Софи уже подрастает, а много женской красоты не бывает. Рита улыбнулась, она любила Софи и желала ей найти хорошего парня.

Вообще последнее время она часто улыбалась, первые сезоны со времен Сдвига, она плакала и всего боялась. Не сразу до нее, как впрочем, и до всех остальных, дошло, что остаться тут, огромное везение.

Рита подхватила ведро и пошла к пруду. Мишка стоял по пояс в воде и, и неумело, но тщательно, как и положено мужику, стирал штаны. Потом поднял их, осматривая разошедшийся шов. В принципе, многие себя вообще одеждой не утруждали, но Миша стеснялся своей фигуры, по какой-то, непонятной для Риты причине, он решил, что идеал мужчины, в глазах женщины – накачанный культурист.

– Не переживай, – успокоила его жена – я заштопаю.

– Хорошо, – улыбнулся Миша – не хочу своим задом весь Поселок распугать.

– Да уж, – подколола его Рита – после профиля Гаврилыча, твой филей, самое страшное зрелище.

Миша сделал свирепое лицо, но не выдержал и рассмеялся. Еще раз прополоскал штаны и направился к берегу. Длинная, едва заметная тень скользнула в воде. Миша замер, потом осторожно, чтобы не пошевелить ногами, выбросил штаны на берег.

– Что? – шепотом спросила Рита.

Мужчина прижал палец к губам, мол, помолчи. Рита вглядывалась в воду, но ничего не видела. Несмотря на полноту, Миша, если хотел, двигался очень быстро. Вот он стоит, разведя в стороны руки, а в следующее мгновение его скрывает туча брызг.

– Поймал!

Что-то извивается в его руках. Рита пригляделась и обалдела, руки, и живот мужа обвивал длинный, метра полтора, толстый червь. Он пытался выкрутиться, но Миша крепко держал добычу.

– Мясной червь! – воскликнула Рита.

– Рита, давай быстрее! – закричал Миша, женщина спохватилась и достала из котомки пузырек с перетертой серой плесенью. Стоило только посыпать им на червя, как тот обмяк, парализованный. Вот теперь день, действительно удачный – мясного червя хватит и на сегодня и еще на завтра останется. Так что можно возвращаться.

Миша положил червя в мешок, и они пошли в Поселок. Сумерки стали отливать сиреневым, значит скоро время сна. Хотя до Поселка идти недалеко, они остановились передохнуть, возле развалин церкви, все-таки мясной червь весил порядочно и Миша запыхался. На всякий случай Рита еще раз сыпанула на червя плесенью, для человека она безвредна, а всех червей, особенно кольчатых, обездвиживает. Она не раз видела, как уже пойманная добыча, за несколько мгновений зарывается в землю, где ее уже не достанешь.

Муж тем временем, тряпкой протер жевательное кольцо квазимодо. Посмотрел на него, чуть прищутив глаз, уже представляя, где он пустит узор резьбы. Голубоватая кость, красиво поблескивала в неверном сумеречном свете, нет лучшего украшения для женщины, чем такой браслет. Далеко не каждый может достать жевательное кольцо, квазимодо, редко встречающаяся тварь, да и вырвать у него кольцо, задача не из легких. Редко чьи жены могли похвастать такими браслетами. На Рите же их было пять, два на лодыжках, один на левой руке и два на правой. А когда он закончит, то и левую ручку его возлюбленной будут украшать два браслета.

Из темных проемов развалин, на них смотрели большие желтые глаза и доносились топот и жутковатое уханье. Но они не переживали, знали, что это нелетающие совы, совершенно безобидные создания, но до крайности любопытные. Кроме того от их мешка вкусно пахло червем. Эти полуразумные птицы, понимали, что им не достанется ничего, но все равно смотрели, чуть зазеваешься, и они украдут мешок.

Миша хотел было, запустить в них камнем. Но Рита не позволила. Она достала из пришитого прямо к поясу кармана пакет с горстью сушеных оранжевых слизней. Уханье стало

громче, потом, резко стихло. Из-за груды кирпичей выглянул крупный самец, видимо самый храбрый.

Щелкнул клювом, мол, бойтесь меня, а то я сам боюсь и бочком пошел к ним. Для совы он был действительно гигантом и кисточки его ушей доставали Рите почти до пояса. Женщина залюбовалась расцветкой его перьев: синие, красные и розовые полосы шириной в два пальца охватывали все его тело от черного клюва, до мощных когтей на лапах.

Филин, с опаской, посмотрел на Мишу, но тот потерял к происходящему всякий интерес. У птицы появилось искушение схватить мешок, но он знал, что люди, особенно самцы, бывают очень опасны. Самки попадают разные, вот эта, например, всегда подкармливает их чем-нибудь вкусеньким.

Он сделал еще один осторожный шаг и бережно взял с протянутой руки пакет с слизнями. Люди щедро посыпают их сахаром, что для птиц, куда большее лакомство, чем сами слизни. Взяв пакет в клюв, он замялся.

– Ну, чего тебе еще, попрошайка? – сурово спросил Миша, он любил принимать суровый вид, думал, что это превращает его в крутого мужика, хотя все и в Поселке и в окрестностях, знали, что добрее и безотказнее человека не найти.

Филин положил пакет на землю, клювом выдернул из крыла длинное маховое перо и бережно положил его в протянутую ладонь Риты. Женщина поблагодарила и тут же вставила перо за ухо в волосы.

Муж насупился, он понимал, глупо ревновать жену вообще, тем более глупо ревновать ее к птице, но ничего не мог с собой поделать. Его животная, инстинктивная часть, по привычке, считала женщину добычей, какие бы доводы не приводил разум. Он закинул мешок на спину и пошагал к Поселку.

Рита наспех попрощалась с филином и побежала, догонять мужа. С истинно женским чутьем, она не стала ничего говорить, только погладила его по руке. Миша остановился, жена поднялась на цыпочки и поцеловала его. Мешок с червем глухо шмякнулся о землю, а мужчина обнял жену.

Какое-то время, мир вообще перестал для них существовать, остались лишь они двое. Ярко-желтая, молодая трава, прекрасно заменила ложе, а вечные враги любви на природе, мелкие камушки и острые веточки, разбежались от любовников. Время и то, тихо, на цыпочках, кралось мимо, не мешая их радости.

Тяжело дыша, они лежали в траве, наблюдая как сиреневые «вечерние» сумерки, сменяются зелеными «ночными». Все глупые мысли, смыла эмоциональная волна любви. Наконец они поднялись и пошли домой, весело болтая ни о чем.

А на приямой траве лежало, трехцветное перо филина, толи забытое, толи оставленное специально.

Глава вторая.

Поселок, вариантов названия существовало много, но ни один не прижился, поэтому его так и называли – Поселок, располагался в бывшей воинской части.

Жители не называли себя «селяне», потому что некоторым это было обидно. Одним, потому что до Сдвига, они действительно были селянами и «городские», с их точки зрения, были недостойны такого высокого звания. Другие, городские, не слишком рвались получить это звание. Впрочем, все это было давно, сейчас уже никто, никого не делил, и называли себя Семей.

О том, что это военная база, напоминали ржавые груды железа, в которых, с трудом угадывались танки и БТРы, а так же несколько пушек. Все что могло пригодиться в хозяйстве, мужики уже сняли с техники. Но многое скинули в бункер с провалившейся крышей. Россыпи патронов, связки автоматов, несколько бочек с негорючим здесь напалмом, лежали как ненуж-

ное напоминание о глупости человеческой. А вот снаряды берегли, особенно крупнокалиберные, из гильз получались, хоть и тяжеловатые, но хорошие стаканы и кухонные принадлежности. Женщины штык-ножами резали еду, и им было до лампочки, какой баланс у оружия, лишь бы острый был.

Параюты давно пошли на рубашки и простыни, а из строп делали ремни и пояса. С маскировочной сетки безжалостно срезали зеленые тряпки и ловили этими сетями мясных червей и одноглазых ершей.

В бывших казармах расстилали высохшую, зеленую траву. Сверху на нее стелили простыни из тех же парашютов. Почему-то на складе не было постельного белья, видимо прапорщик, до Сдвига, умудрился все продать на черном рынке. Впрочем, никто не жаловался, душистое сено и так было отличной постелью, но если нет желания вычесывать по утрам из волос травинки, то простынь подстелешь.

Спали тоже вместе, особо не заморачиваясь, кто и с кем. Ни рангов, ни старшинства, в еде и сне не существовало. Только любовью заниматься уходили в отдельные комнаты, не из стеснения, просто чтобы не будить остальных.

Ели, в основном, во дворе, на бывшем плацу. Дождей после Сдвига почти не было. Погода колебалась от нормальной до хорошей, причем это больше зависело от настроения оценщика.

Рита и Миша смотрели с холма на Поселок, оттуда доносился гомон голосов и звон посуды. Они переглянулись:

– Хорошо дома. – Рита не спрашивала, она констатировала факт.

Миша молча кивнул, и они пошли по тропинке к пролому в заборе. Первые сезоны после Сдвига, люди боялись и содержали забор в целостности, на зеленый сумрак, запирали ворота, даже делали ловушки.

На забор и ворота так никто и не напал, а в ловушки попадались безобидные совы и гигантские улитки. А однажды в яму упал Гаврилыч и долго ругался на ехидойском. Мужики, охочие до бранных слов, слушали с восхищением, чуть не конспектировали. Но после этого, ловушки убрали, Гаврилыча злить, себе дороже. С тех пор, забор не ремонтировали, наоборот, убрали несколько секций, чтобы в Поселок можно было зайти с разных сторон.

Сейчас они заходили с юга, раньше бы им пришлось топать в обход, главные ворота располагались на севере. Разумеется, после Сдвига, понятия юг и север, так же как день и ночь, были весьма условны. Но люди привыкли к таким обозначениям и перенесли их в сдвинутый мир.

Миша уловил запах печеного ерша и зашагал быстрее, как все мужчины, он любил поесть. Рита семенила следом, она любила погулять с мужем по окрестностям, но дома чувствовала себя гораздо комфортнее.

Она придумала для себя гадание, кто первый их встретит, так и дела дома пойдут. Рита надеялась, что их встретит Софи, она уже соскучилась по маленькой хохотушке, с очаровательными ямочками на щечках. Это бы означало, что в Поселке все в порядке. А вот если их будет встречать Повариха, то Софи и Брайан чего-то натворили и придется им делать выговор, разумеется, после того, как удастся их отыскать. Дети, не нарушали правила, не выходить без сопровождения из Поселка, но могли так запрятаться, что взрослому в голову не придет их там искать.

Рита считала себя хорошей матерью, хотя признавала свой слишком мягкий характер. Если Брайана она еще могла отчитать, то стоило Софи, заплакать и женщина была готова простить ей что угодно. Девочка, прекрасно это понимала и не стеснялась применять этот метод. Как всегда мысли о детях, вызывали у нее легкую, неосознанную улыбку.

Но их встретила не Софи и даже не Повариха. На тропинке, стоял Гаврилыч. Здоровый, почти два человеческих роста, кожа красная, как будто залита кровью.левой рукой он

небрежно, задумавшись, мял гильзу от снаряда. Металл поддавался как пластилин. Косматая черная борода, скрывала лицо почти до самых глаз, но все равно было видно, что он хмурится.

– Привет, Гаврилыч! – поздоровался Миша. Вообще-то его звали по другому, но произнести его имя на ехиатойском, не вывихнув себе челюсть, не мог ни один человек.

– Привет добытчик, – отозвался он, увидев объемистый мешок, потом кивнул Рите – и тебе привет, красавица.

– Как поживаешь? – спросила Рита.

Гигант молчал, но с тропинки не сходил, значит, хочет поговорить. Миша скинул мешок и потер затекшее плечо. Муж с женой переглянулись, одновременно подумав, что вопрос серьезен, иначе, зачем Гаврилычу разговаривать в сторонке от остальных. В Поселке не слишком любили таинственные разговоры, еще до Сдвига, тайные общества, секретные службы и прочая муть, сильно отравляли людям жизнь. Наступать на те же грабли, было не разумно. Конечно, никто не кричал с крыши о постельных подвигах, но всю важную информацию говорили открыто. Гаврилыч не мог этого не знать, ведь это была его идея. Значит дело в другом, он хочет узнать их мнение, до того как скажет остальным.

– Появилась новенькая. – сказал наконец Гаврилыч.

– Хорошо, не переживай, – удивилась Рита – встретим, обустроим и поможем.

Миша молчал, он уже понял, что все не так просто, новенькие появлялись редко, но все же это не было из ряда вон, выходящее событие. Не стал бы Гаврилыч секретничать из-за этого. Интуиция не подвела мужчину:

– Она пришла из-за Тучи.

Миша присвистнул, он слышал, что оттуда могут приходиться, но еще ни разу не видел подобного. Судя по рассказам, далеко на юге, чуть ли не в самом Содмаре, живет пришелец из-за Тучи. И вот ехиатойцы хотят, что бы они взяли такую в Поселок.

– Ты уверен, что мы справимся? – спросил Миша.

Гаврилыч промолчал, если его соплеменники считают, что они справятся, значит справятся. Ехиатойцы никогда не ошибаются в таких вещах. Они вообще редко ошибаются. Не дождавшись ответа, Миша прикинул, что делать в первую очередь, надо отгородить новенькую от детей, не хватало еще, чтобы она их перепугала. Может организовать детский лагерь на Барсучьем озере. Игни-шаман, главный у барсуков, давно предлагает, чтобы молодежь могла пообщаться. Так можно выиграть пару месяцев, за это время новенькая хоть немного придет в норму.

– Сколько у нас времени? – спросила Рита, по видимому она подумала о том же, что и муж – Когда она придет?

– С этим тоже проблема, – Гаврилыч отвел взгляд, Рита была готова поклясться, что старому громиле неловко, это было так дико и непривычно, что у нее невежливо открылся рот, таким она его еще никогда не видела – ее выкинет не в долине, а Железной степи...

Миша, глубоко вдохнул и выдохнул, так он справлялся с эмоциями, на этот раз не помогло. До мужчины дошло чего хочет от них Гаврилыч.

– Я не могу вас заставить, могу только попросить. – гигант совсем скис, стало понятно, почему он решил поговорить приватно, никто не любит просить об одолжении, особенно ехиатойцы, уж очень гордые создания. А просить при всей Семье, вообще невыносимо для старика. Если бы он сам мог пойти, но Железная степь не пускала ехиатойцев, ни один не мог даже ступить на ржавую поверхность этой пустыни.

– Хорошая идея, – Рита включила в голос весь сарказм, на который, была способна – особенно если учесть, что между нами и Железной степью, Спокойные холмы, где уже пять сезонов живут Ортодоксы. И так простенько, прошвырнуться туда, через их проклятые земли, неизвестно как сохранить разум в Железной степи и таким же легким пируэтом, пройти обратно мимо этих отморозенных?

– Заткнись, Рита. – тихо, но твердо сказал Миша, женщина обалдела, так он с ней никогда не говорил – Ладно, уговорил, я пойду.

Когда до нее дошел смысл его слов, она даже забыла обидится:

– Ты что, головой ударился? – взвизгнула она – Не пушу!

– Спасибо, Миша. – спокойно, как будто не сомневался, что он так ответит, сказал Гаврилыч – Я в поселок принесу....

– И ты заткнись! – неожиданно зло, рявкнул Миша – Я туда иду не из-за твоих подачек, там человек, один! Сколько она продержится? Сутки? Двое? А потом Железная степь сожрет ее разум навсегда!

Все замолчали, Рита все же решила, что ей надо обижаться, Гаврилыч был доволен, а резкие слова его уже давно не трогали. Миша вспоминал, что тоже пришел сюда в Железной степи, ему повезло, он угадал направление и выбрался к долине, всего через два часа. Но и их, ему хватило. Прошло почти двадцать пять сезонов, а его иногда посещают кошмары, о тех двух часах.

– Ладно, – наконец сказал Миша – пойдем, надо рассказать людям.

– Погоди. – сказала Рита.

– Извини, – грустно, но решительно ответил муж – но я обязан пойти. Я не могу оставить там живого человека.

– Я не о том, – Рита положила руку ему на плечо – я пойду с тобой.

– Нет.

– Это не обсуждается, одного я тебя не отпущу! – когда она хотела, женщина умела быть упрямой.

– Пойми, – попытался воззвать к ее разуму муж – я не могу заботиться о твоей безопасности и пробираться через Спокойные холмы. Ты женщина, твое место тут.

Миша даже не успел ойкнуть, как земля грубо двинула его в бок. Пытаясь отдышаться, он издавал странное сипение.

– Дорогой, – глаза Риты сузились, и в них было настоящее бешенство – никогда, не примеряй на себя роль шовиниста. Или ты забыл, что я могу о себе позаботиться?

– Вспомнил... – ответил Миша, с трудом усаживаясь на траву. До Сдвига, Рита, была инструктором по рукопашному бою для женщин. Редко кто мог угадать в милой чуть полно-ватой женщине, обладателя черного пояса по тхэквондо. – Но я не хочу чтобы ты шла со мной, это слишком опасно, я буду за тебя переживать. – муж наконец, решил сказать прямо и правду.

– Вообще-то, – вмешался в разговор Гаврилыч – я рассчитывал, что вы пойдете вдвоем, так безопаснее....

– Заткнись! – хором сказали супруги.

Гаврилыч пожал плечами, для него, супружеские отношения, были за гранью понимания. Главное он уяснил – эти двое пойдут за новенькой. А это именно то, чего хотел старейшина. Ехиатойец стал обдумывать, как лучше экипировать их в дорогу, большая часть оборудования, либо была слишком тяжелой для людей, либо работала только с их народом. Но несколько полезных приборов, он все же сможет им дать. Например, чудо-око....

Семья шумела, нет, разумеется, они были не против новенькой, ведь все когда-то были сдвинуты сюда, они понимали и жалели ее. Но им совершенно не хотелось отпускать в Железную степь Мишу и Риту. Они любили их, ведь это Семья, а рисковать двумя своими для совершенно незнакомого человека? Семья шумела, и все же выбора не было.

Софи и Брайан насупились, они уже успели попроситься идти с родителями и получить категорический отказ. Остальным добровольцам, муж с женой тоже отказали. Двоим проще пробраться незаметно через земли Ортодоксов, если это вообще возможно.

Добровольцем даже вызвался Гаврилыч, но Миша, резонно ему заметил, что незаметнее добираться, размахивая флагом, чем рядом с ехиатойцем. Они очень мудрые, сильные, но колоссально заметные.

За ужином только и было разговоров, что о предстоящей экспедиции. Каждый строил планы, подавал идеи и предлагал помощь. От этого Миша впал в тихое бешенство, он не привык быть в центре внимания. Рита поняла, что им не дадут покоя и потащила Мишу спать в отдельную комнату, без приглашения, в такие комнаты, заходить стеснялись, так что они получили несколько часов передышки и сна:

– Они считают, – сказала Рита – что мы выйдем где-то в полуденный сумрак, и Семья сможет нас проводить, что ты думаешь об этом?

– Только оркестра еще не хватает! – скривился Миша – И так шум, на весь Лесной удел. Может, пораньше сорвемся?

– Давай в конце зеленых сумерек? – предложила женщина – А в желтый сумрак, отоспимся возле Глубокого озера?

– Хорошо, – согласился муж – но у нас есть два часа, чем займемся?

Рита игриво улыбнулась и выгнула спину, она точно знала, что эти два часа они потратят не на сон.

Глава третья.

– Только бы дети следом не увязались. – сказала Рита.

– Не переживай, – успокоил жену Миша – я попросил Гаврилыча присмотреть за ними. От него не сбежишь.

– Ну и хорошо, – женщина вздохнула, вспоминая дом и Семью, но решила не тратить время на бесполезные разговоры и перешла к делу – ты придумал, как нам пройти Спокойные холмы?

– В процессе. – несколько раздраженно ответил Миша, на самом деле, он понятия не имел, как пройти мимо ортодоксов.

Они лежали на животе у края обрыва и смотрели вниз. Спокойными эти холмы назвали явно в шутку. На этом плато не прекращалась вулканическая деятельность, облака пара, и красноватый отсвет лавы из глубоких расщелин, делали эти места весьма мрачными. Надо быть полным психом, чтобы здесь поселиться, впрочем ортодоксы, такими и были. Хотя в этом месте тоже была своя красота, в впадины между наплывами лавы скапливался вулканический пепел, на котором росли растения и грибы всех возможных расцветок. А, извилистая река, названная местными шутниками Ахероном, изобиловала порогами, водопадами и заводами. Часто в заводи попадала горячая вода из гейзеров, так что некоторые были естественными ваннами, до появления фанатиков, окрестные жители часто приходили сюда, поплескаться в свое удовольствие.

Пока ортодоксов не было видно, но соваться туда они опасались. Тут Мишина котомка ощутимо завибрировала, он достал оттуда зеркало из полированного серебра. Чисто мобильник, пробормотал Миша, глядя на светящийся лиловым светом волшебный прибор.

Он взялся за изящную рукоятку зеркала, и оно заработало. Гаврилыч стоял возле казармы в Поселке.

– Как дела? – спросил он.

– Никак, – мрачно ответил Миша – лежим в кустах на Зеленой горе и смотрим на Спокойные холмы. Соваться в владения ортодоксов боязно, обходить дня четыре уйдет, вот и думаем, правда пока ничего не надумали.

– У меня есть план. – сказал ехиатойец.

– Что же это за план, – с сомнением в голосе, спросила Рита – если ты о нем в Поселке не сказал?

- Он вам вряд ли понравится... – серьезно ответил Гаврилыч.
- Ладно, не тяни, – Миша достал флягу из котомки, но открыть одной рукой не смог и ему на помощь пришла жена – рассказывай свой план.
- Вы идете прямо и сдаетесь первым, кого увидите из них...
- Ты прав, – перебила его Рита – нам такой план не нравится, причем совершенно не нравится!
- Подожди, – рассудил мужчина – пусть расскажет до конца.
- И так, вы сдаетесь, и говорите, что хотите к ним примкнуть. Они поведут вас сразу в Дит, а он находится всего в полудне ходьбы от края Железной степи. То есть вы пройдете практически всю их землю быстрым шагом, не тратя время на скрытность.
- Ага, а потом, – не выдержала Рита – застрянем у этих психов, по мне так лучше скрытность!
- Вы не потеряли ленты, что я вам дал? – спросил Гаврилыч.
- Миша молча достал из рюкзака две красные ленточки, шириной в палец и метровой длины.
- Хорошо, намотайте их на руки, стоит вам только уронить их на землю и ровно через двадцать секунд, я буду рядом с вами, – ехидно ухмыльнулся – а я придумаю, как отвлечь их от ваших персон.
- Не нравится мне это! – сказала Рита, наматывая ленточку на правую руку.
- Выбора все равно нет, – пожал плечами Миша и подхватил котомку – если хочешь, останься.

Рита фыркнула и пошла вниз. Передвигаться по плато было трудно, камень был скользким и они постоянно рисковали свалиться в расщелины, большинство из них были неглубокими, но ногу сломать хватит и метра.

Чуть ниже пролегал застывшая река из лавы, ровная как дорога, идти стало легче. Как помнил Миша, эта дорога ведет к Черному озеру, куда впадает Ахерон. Озеро не переполнялось, Миша думал, что из него течет подземная река.

Рита подобрала несколько ярко-голубых грибов с коричневой ножкой, незнакомых Мише. И принялась с аппетитом жевать. Предложила мужу, но он отказался. Во-первых, он хоть и старался не показывать вида, но сильно нервничал. А во-вторых, то, что могла спокойно есть его жена, не всегда принимал его желудок.

Они шли уже почти два часа и никого не встретили, у Миши затеплилась надежда, что они пройдут незамеченными. Иногда слева доносились истошные крики, но слишком далеко.

Человека они встретили внезапно, свернув за скалу. Тот сидел обнаженный на камне, в совершенно невообразимой позе. Волос на теле не было, судя по ожогам на голове и в паху, он их сжег. Острым осколком вулканического стекла, он срезал себе кожу с бедра, издавая при этом странные звуки, среднее между стоном и иканием.

Ортодокс так увлекся членовредительством, что не заметил их. Возможно, им бы удалось проскользнуть мимо. Но Рита увидела, что он сделал со своими ногами, и вскрикнула от ужаса. Человек повернулся к ним лицом, его глаза были странно выпучены, только потом Миша понял, что ортодокс отрезал себе веки. Но сейчас было не до рассматриваний. Тонким голосом человек закричал:

- Вы кто такие? – судя по голосу, он резал не только ноги – Падшие?

Миша не стал тратить время на разговоры и подбежал к человеку. Юношеское увлечение боксом не забылось. Прямой удар в челюсть, отправил ортодокса в нокаут. Они связали сумасшедшего и заткнули ему рот, после чего оттащили в сторону от дороги. Рита не хотела связывать несчастного, ведь ему придется не один час выбираться, но Миша резонно указал, что если он поднимет тревогу, хитрый план Гаврилыча, пойдет насмарку.

Все же Рита обработала его раны мазью из красного клевера, что ускоряет процесс регенерации и обезболивает. Миша считал это пустой тратой времени и лекарства, как только сумасшедший развяжется, он примется опять кромсать свое тело.

Они вернулись на дорогу, и пошли дальше. Впереди показался огромный, утес из песчаника, изъеденный пещерами. Пресловутый город Дит. Дорога шла немного правее. Пока их не заметили или, скорее, не обращали на них внимания. Издалека ортодоксы не видели, что они одеты и принимали их за своих.

– Давай вернемся к первоначальному плану, – сказал Миша – и попробуем прокрасться мимо.

– Поздно. – Рита указала рукой на три фигуры стоящие на дороге. Миша прикинул их шанс пробиться, но увидел еще двоих стоящих на гранитном утесе.

– Раздевайся, – сказал муж и начал стаскивать с себя рубаху – если Гаврилыч облагается, нам хана, они новеньких по десять сезонов держат взаперти, пока они окончательно не съедут с катушек и не превратятся в таких же психов.

Демонстративно бросив одежду на камень, они пошли к встречающей группе. Троица была колоритной, двое мужчин и женщина, во-всяком случае, Миша предположил, что это женщина, по голосу, определить по внешности не получалось. Она вся была обожжена до такой степени, что местами проглядывали кости. Женщина тоскливо завывала, без слов, на одной ноте. Один из мужчин опирался на костыль, потому что с левой ноги сняли почти все мышцы, регенерация только началась и он, видимо испытывал невероятную боль, но даже не морщился, уже привык, наверное. Главный выглядел почти нормально, пока они не увидели, что всю его спину и бок, разъедает огромный химический ожог, в язве проглядывали ребра и шевелящиеся за ними легкие.

– Приветствую в юдоли печали, о падшие! – хрипло сказал главный – Что привело, вас сюда?

– Скорбь о грехах наших. – Миша говорил, стараясь, чтобы его голос звучал тоскливо, а не перепугано.

Троица посоветовалась, точнее, совещались двое мужчин, женщина лишь однажды прервала свой тоскливый вой, показала обгорелыми пальцами на Риту и что-то булькнула, после чего опять завывала. Миша огляделся, место для встречи гостей ортодоксы выбрали идеальное, лавовая река в этом месте проходила между скалами и по бокам высились четырехметровые отвесные стены. Мужчина невзначай обернулся, так и есть, позади дорогу перегородили еще трое, они в ловушке.

Он повернулся к Рите и погладил ее по плечу, чтобы немного подбодрить. Женщине стало легче, когда она увидела, как спокоен и уверен ее муж. Вместе им любая беда нипочем, в это она свято верила. Ведь с тех пор как Миша появился в ее жизни, ей не всегда приходится быть сильной, иногда можно спрятаться за его спиной. Их не венчали в церкви, не расписывали в ЗАГСе, но именно это ощущение, делало его, настоящим мужем.

– Скорбь, плач и скрежет зубовой, наша участь! – наконец обратился к ним главный – И хорошо, что вы это поняли. Мы принимаем всех кающихся и надеемся на Милость!

– Милость! – разноголосо рявкнули все окружающие их ортодоксы.

– Мы проводим вас в кельи – внезапно, приятным и, даже бархатистым голосом сказала обожженная женщина. За то время что они стояли, ее тело начало регенерировать и сочится свежей кровью, а местами, появлялись пятна живой кожи.

Но пройдет еще очень много времени, прежде чем она полностью восстановится, подумала Рита и тут же осознала, что женщина не допустит полного восстановления. Она будет опять и опять творить с собой такое же и с ней тоже, если план Гаврилыча не сработает.

– Почему вы не скинете всю одежду? – пробасил одноногий, Рита не поняла, что он имел в виду, пока он не показал на ленточки на их ладонях. Женщина замешкалась с ответом, и ей на помощь пришел муж:

– Мы дали зарок, не снимать их, пока не попадем в город надежды, в Дит. – с пафосом, столь любимым ортодоксами ответил он.

– Что же, недолго осталось вам носить богохульные, человеческие тряпки. – сказал одноногий.

Он отвлекся, под его костыль попал камень, он изувеченной ногой рухнул на кучу щебня и завыл от боли. Товарищи не сделали даже попытки ему помочь, да он и не просил помощи. Если у Риты были сомнения во всем что рассказывали про ортодоксов, сейчас она убедилась, они больные на всю голову. Только сумасшедшие могут возвести страдания в ранг добродетели, а взаимопомощь объявить грехом. Впрочем, один вид помощи, они признавали, помощь в издевательствах.

Довольно скоро они пришли в Дит. Рита осматривалась, не из любопытства, скорее при-сматривая лазейки для возможного бегства. Живописным его не назовешь. В утесе высечены пещеры, а вокруг ютились несколько сот хибар. Но если жилищный вопрос ортодоксов не волновал, то религиозные сооружения были внушительными и сделанными на совесть. Пять огромных мавзолеев сложенных из черного базальта, стояли по краям круглой площади. Миша даже представить не мог, как ортодоксы тащили и обрабатывали такие валуны, здесь, наверное, была уместна пословица о том, что если заставить дурака молиться, ничего хорошего не получится.

Отовсюду доносился гомон города, и он разительно отличался от звуков Поселка. В Поселке слышался детский смех и мужской, хоть и добродушный, мат, женская речь и хохот, звон посуды, визжание пил и стук молотков на постройке нового загона для гигантских улиток.

Здесь же основными звуками были стоны и крики. Почти все покрывала странная грязь, похожая на потеки ржавчины, смешанной с глиной. Чуть позже Рита догадалась что это засохшая кровь. Ортодоксы занимались своими делами, женщина старалась не смотреть, но все же, иногда выхватывала картинки, которые после долго мучили их в кошмарах.

Справа в длинной, неглубокой, забранной железной решеткой, пещере, девушка разгнялась и билась головой об острый выступ, разбрызгивая кровь и оставляя на камне плоть и волосы. Падала, потом приходила в себя, ползла в другой конец пещеры, с трудом поднималась на ноги и, с остервенением, снова кидалась на камень.

Ближе к утесу аромат города, ортодоксам некогда было за спасением души, заниматься такой ерундой как туалеты, просто валил с ног. Там была огромная выгребная яма. Разумеется, она не пустовала, несколько десятков человек, стояли по шею в ней. Эта картина окончательно уничтожила в женщине, даже те, крохотные ростки сочувствия к фанатикам, что были раньше.

Миша отмечал другое, хотя его тоже мучило от увиденного. В городе было гораздо больше железа, чем в любом другом человеческом поселении. Причем он сильно сомневался, что все это осталось от Сдвига. Большая часть орудий пыток создавали после в кузницах.

Он нахмурился. После Сдвига люди расслабились, уже очень давно никто ни с кем не воевал. Земля была щедра, климат теплый, хищников нет и делить, по большому счету было нечего.

Пока ортодоксы, думал он, сидят в Спокойных холмах и удовлетворяются издевательствам над собой. Но раньше или позже, им придет в голову идея, облагодетельствовать остальных. Тогда кузницы начнут ковать не дыбы и клещи, а топоры и мечи.

Надо поговорить с Гаврилычем, думал Миша, обходя клетку, в которой сидел истощенный человек, причем настолько, что уже было непонятно, мужчина это или женщина. Если они себя не жалеют, то что они принесут с собой? Гитлер, Чингизхан и Иисус Навин, в сравне-

нии с ними покажутся расшалившимися детьми. Хотя вряд ли ехиатойцы будут вмешиваться в человеческие конфликты, это не в их правилах, но может, посоветует что-нибудь.

Миша задумался и понял, что они дошли, только когда чуть не врезался в спину ковыляющего впереди одноногого. Они оказались на противоположной стороне площади, возле самого большого храма.

– Вот ваши кельи – прохрипел главный указывая на шесть каменных колодцев перед входом.

Рита сделала вид что заинтересовалась, подошла к ближайшему и незаметно сбросила с руки ленточку, мысленно умоляя сделать Мишу тоже самое. Колодцы были не глубокими, метра два. Из щелей в кладке торчали ржавые шипы. Некоторые крепились перпендикулярно стенам, а некоторые на манер кошачьей шерсти, поднимались, при попытке вылезть. Шипы на дне, Рита была уверена, что они есть, скрывала жижа, состоящая из испражнений и крови. Ортодоксы основательно подошли к обучению новых адептов, не оставив там большую часть мяса, новичок не выберется. Из соседнего колодца доносился стон, но Рита побоялась заглядывать туда. Она надеялась, что Гаврилыч не подведет.

Она оглянулась и оторопела. Даже мысли о собственной безопасности куда-то исчезли. На краю площади стояла девочка лет десяти и, с холодной заинтересованностью смотрела на пришельцев.

Такого она не ожидала даже от ортодоксов, хотя в их извращенной логике, это было нормально. Просто женщине казалось невероятным издеваться над ребенком. Фанатики же, делали это со спокойным сердцем и, как всегда, с самыми благими намерениями. Мысли скрутились в какой-то узел, Рита подумала, что вот-вот упадет в обморок.

Она вспомнила Йоко. Первое время после Сдвига, детей не было, а женщины перестали беременеть. Кто говорил, что это вина женщин, кто что мужчины потеряли что-то в семени, споров было много. Пока не пришли ехиатойцы и объяснили, что это просто невозможно. Такую новость приняли болезненно, но время шло, и через десять сезонов, или как некоторые называли по привычке, лет, все успокоились.

Однажды Мать Штриха, тогда еще просто Алиса-художница искала цветных сверчков для красок и увидела, как с вершины холма спускается Йоко, худенькая, слабая от голода и страха. Сейчас Мать Штриха всем рассказывает, что она издалека поняла, что это ребенок, Рита ей не верила. Потому что никто сначала не поверил, когда Алиса привела трясушую от ужаса, завернутую в пончо девочку. Люди подходили, смотрели, хотели потрогать, но видя страх в глазах, опускали руки.

Наверное, Йоко закатила истерику, если бы толпу не раздвинула Повариха. Она несла в подоле целую стопку сладких лепешек. Голод оказался сильнее страха, и девочка жадно накинулась на еду. Она была первой, и ее воспитывал весь Поселок и, разумеется, баловали все как могли. Удивительно, но Йоко не выросла капризной куклой, как бывает у слишком любящих родителей. Наоборот, стала отличным другом и добрым человеком.

Потом, после Йоко, стали приходиться другие, никогда младше шести лет, они забредали в человеческие поселения или их находили охотники. Бывало, что они появлялись в городах ехиатойцев, тогда те распределяли детей, по своему, непонятному для людей принципу, в человеческие поселения.

Даже взрослому Сдвигаться было страшно. Что же переживали дети, трудно себе представить. Когда их находили, они были перепуганными, истощенными и израненными. Некоторые быстро приходили в норму, другие долгие дни и ночи, рыдали или сидели в каком-нибудь углу. Но самое страшное, это те кто смотрели вот так, как эта белокурая девочка, с холодной и отрешенной заинтересованностью, так смотрят змеи. Таких вытаскивать из-за грани было тяжелее всего.

Нет, они быстро приучались к бытовым условиям, сами ели, им не требовались пеленки, и они не кричали протяжно по ночам. Просто одни прятались от страха, другие боролись с ним, а эти дети сливались с ним. Им трудно было объяснить, что в страхе нет необходимости, что он только мешает и порождает ненависть. И все же это удавалось, хоть и не всегда, некоторые вырастали и уходили жить отшельниками.

Рита никогда не думала, что дети могут попадать не только к нормальным людям, но и к ортодоксам. Сколько их здесь, содрогнулась женщина, сколько уже выросло, не представляя что есть нормальная жизнь, а скольких еще они засунут в эти колодцы?

Миша смотрел на жену и понимал, что сейчас она сорвется. Рита никогда не отличалась выдержкой и если она устроит мордобой, им конец. Он бросил ленточку на землю.

Один из ортодоксов, безногий, на железной шипованной тележке подхватил ленту в сантиметрах от земли.

– Филип, – из-за разрезов в щеках, он говорил не очень внятно – не верь им, это какое-то колдовство! Они шпионы!

Главный медленно посмотрел на лежащую у ног Риты ленточку и вторую что зажал в костлявом кулаке одноногий. Пусть он был сумасшедшим, но думал быстро. Его не впечатлило утверждение, что они шпионы, он сам до Сдвига частенько подрабатывал доношением, а вот поимка колдунов, это уже лучше. Последнее время среди адептов началось брожение, некоторые покинули общину. Колдуны в колодцах способны поднять моральную решимость других.

Даже если они не колдуны, решил Филип, то хоть раз в жизни гадали на картах или читали гороскоп, если раз в сутки выливать в колодцы по полведра кислоты, они сознаются. А через год, сами в это поверят. Он невзначай сделал шаг к женщине, Рита, так ее называл мужчина и толкнул ее в колодец.

Глава четвертая.

То, что произошло дальше, никак не входило в планы главного ортодокса. Рита была наготове и подалась его толчку, только не вперед, а чуть левее, отставив ногу, она провела классический бросок через бедро. Провернуть такой трюк с мало-мальски подготовленным мужчиной у нее не было шансов, ей бы банально не хватило веса. Но Филип и до Сдвига не слишком любил занятия спортом, для подслушивания нужен хороший слух, а не крепкие мышцы.

С воплем он полетел головой вперед в тот самый колодец, куда собирался столкнуть женщину. Рита не стала досматривать это красочное зрелище и, используя энергию разворота, достала пяткой по уху одноногого.

– Миша! Лента! – заорала она, отскакивая от обожженной.

Мише не требовались подсказки, совсем не так изящно как жена, он стукнул коленом безногого в темя, подхватил костыль, что уронил одноногий и с нецензурным ревом понесся на выручку жене. Краем глаза, он увидел, как ленточка таки коснулась грязной земли, и стал считать.

Костыль сломался на двенадцатой секунде и четвертой голове, Миша не мог предположить, что все ортодоксы так быстро сообразят, что происходит и кинутся на них гурьбой. Намного позже он догадается, что отнюдь не все попадают к ортодоксам по своей воле и такие драки не редкость.

Если Рита действовала по всем правилам рукопашного боя, проводя эффектные серии и плавно уходя от ответных ударов, то Миша дрался так, как научила улица, не щадя ни противников, ни себя. К сожалению, это только в боевиках, один мастер, раскидывает толпу врагов. В реальной жизни их просто смяли числом.

Миша почти сдался, но тут кто-то двинул ему между ног, не слишком сильно, дыхание не перехватило, но озлобил его такой подлый удар очень. Заорав, как красноармеец под Сталинградом, Миша рванулся изо всех сил и сбросил троих повисших на нем ортодоксов.

Гаврилыч не обманул, над городом раздался громкий металлический щелчок, как будто лопнула гигантская пружина. Звук ударил по ушам и все замерли, скривились от боли даже привычные к истязаниям ортодоксы. На площади появилось четверо ехиатойцев, при их размерах, мощи и скорости, вполне достаточно, чтобы утихомирить фанатичный город.

Но это и не потребовалось, если ортодоксы чего и боялись, так это красных гигантов. Гаврилыч разбирал завал из ортодоксов, навалившихся на Мишу и Риту. С фанатиками он особо не церемонился отшвыривая их в стороны, а ребят извлек со всей возможной аккуратностью.

Как ни удивительно, но они почти не пострадали в столкновении, только у Риты заплыл правый глаз, а Миша прихрамывал, частично от того, что ему двинули между ног, а так же кто-то в азарте прокусил ему икру. Остальные повреждения были совсем пустяковыми, несколько синяков, царапины и садины. И все же ехиатойец спросил:

– Вы в порядке?

– Нормально. – не совсем внятно, ей разбили губы, ответила Рита. Миша молча кивнул, потирая укушенную ногу.

– Падшие! – громогласно обратился к ортодоксам один из ехиатойцев, настолько огромный, что рядом с ним Гаврилыч смотрелся щуплым – Во что еще бить вас? Если даже Послаников не узнаете?

Рита посмотрела на Мишу, пытаясь понять, о чем говорит гигант, муж пожал плечами, мол, и сам не пойму что это за галиматъя. Но ортодоксы отреагировали на эти речи. Они один за другим бросились на колени и завыли. Сначала тихо заскулили, потом запричитали что-то неразборчивое, после и вовсе заорали. Причем каждый орал что-то свое, и понять смысл их воплей было трудно.

Если и до этого их город напоминал сумасшедший дом, то сейчас это походило на демонстрацию демократов в этом заведении, каждый орал свое, и никто никого не слушал. Огромный ехиатойец прекратил все это, хлопнув в ладоши, раздался тот же металлический звук. Рита и Миша запоздало схватились за голову. Гаврилыч сочувственно им улыбнулся, во всяком случае Рита подумала что сочувственно, лица ехиатойцев вообще мало приспособлены к улыбке.

– Замолчите и слушайте! Где ваш вождь?

Молча, послушаться фанатики боялись, они извлекли из колодца грязного и окровавленного Филипа, аромат от него стоял такой, что даже перебивал общую вонь города. Миша стоял в десяти шагах от главного ортодокса и его все равно мутило. Он представлял, как плохо было ехиатойцам, с их врожденной чистоплотностью и тонким обонянием.

– Помойте его! – не выдержала Рита.

На нее посмотрели как на сумасшедшую. Ортодоксы считали мытье одним из грехов. Сначала ты начнешь мыться, говорили они, потом тебе понравится, и ты создашь себе идола из собственного грешного тела, которое кроме страданий ничего не достойно.

– Это ему наказание. – нашелся что ответить Гаврилыч.

Такую постановку вопроса ортодоксы понимали и принялись отмывать своего вождя, невзирая на его слабые, он еще не оклемался после падения головой, протесты. Без мыла особого толку от мытья не было, но все же уровень его вони, стал сопоставим с окружающим фоном. Несчастный и относительно чистый Филип подошел к ехиатойцам ближе и упал на колени, старательно так упал, отметила Рита, специально чтобы колени в кровь рассадить.

– Слушаю тебя, приказывай. – пролепетал он.

– В целом, мы довольны твоей общиной. – огромный ехиатойец решил немного погладить фанатиков по шерстке – Вы справляетесь с поставленной задачей. – он огляделся и задумчиво

подобрал брошенный кем-то в драке, ржавый зазубренный крюк – Даже проявляете инициативу....

Рита поняла, какую цель преследуют ехиатойцы, они решили обставить их спасение как еще большее наказание. Что же, подумала она, у красных хорошо подвешены языки, так что вывернутся. Ей не давал покоя другой вопрос, она, стараясь не обращать на себя внимания, подошла к Гаврилычу, тот стоял с суровым видом, скрестив руки на груди. Женщина дотронулась до его локтя и зашептала:

– Гаврилыч! Гаврилыч!

– Чего тебе? – почти не шевеля губами, раздраженно спросил гигант.

– Дети! Они забирают детей и творят с ними то же что и с остальными!

– Как вы, люди, меня достали! Это ваши дети и ваши проблемы.

Рита чуть не плакала. Миша подошел с другой стороны и уловил суть разговора. Мужчина понимал, что ехиатойцы терпеть не могут вмешиваться в человеческие разборки. По их убеждению, люди сами должны решать внутривидовые разногласия. Наверное, поэтому Дит, все еще существует, несмотря на то, что у всех гигантов, он сидит в печенке, или что у них там вместо печени. По их мировоззрению, каждое мыслящее существо уникально и ориентированно на созидание, а не разрушение, то есть при нормальном существовании, каждый станет добрым и сострадательным.

Миша считал, что все это красиво в теории, но на практике, попадают такие уроды, что их даже могила не исправит. Ему было неприятно давить на друга, а Гаврилыча он считал другом, но другого выхода не было:

– Гаврилыч, – зашипел он – если хочешь чтобы мы сунулись в Железную степь, сделай что-нибудь.

Гигант посмотрел на человека с укором, Мише стало стыдно, но он просто не мог допустить, чтобы сюда попадали дети. Как говорится, куда ни кинь, всюду клин. Ехиатойец сдался:

– Ладно, попробую.

Телепатический контакт, для гигантов был привычным делом. Тот громила что толкал пламенную речь ортодоксам, замолчал на секунду, принимая информацию, кивнул и как ни в чем не бывало, продолжил:

– Мы же со своей стороны, готовы содействовать....

Над площадью поднялся гомон. До сих пор, на настойчивые просьбы фанатиков о содействии, ехиатойцы отвечали матом на всех известных языках. Ортодоксов эта новость весьма воодушевила, впрочем, стоило ехиатойцу поднять руку и все снова замолчали, внимая «со страхом и трепетом», как говорили они.

– Все дети в возрасте до четырнадцати лет, переходят в наше распоряжение и все вновь прибывшие дети тоже должны быть переправлены в любой из наших городов.

– Мы, господин, – радостно сказал Филип – их максимально подготовим!

– Ни в коем случае! – взревел гигант, потом, как будто смягчаясь, добавил – У нас для них особая программа.

Он вытащил из-за пояса изящный кинжал, кажущимся игрушечным в его громадной руке, хотя размером почти с меч, и всадил его в скалу по самую рукоять.

– Повторяю, детей не трогать, – сказал он уже спокойнее – при появлении пусть прикоснутся к рукоятке и в течении дня, появится кто-нибудь из нас.

Ортодоксы завистливо смотрели на немногочисленных детей, обдумывая, что придумали красные. Им никогда не могло прийти в их извращенные умы, что грозно выглядящие ехиатойцы обожают детей и балуют их сверх всякой меры и единственное мучение, которое грозит этим детям – несварение желудка от обилия сладостей.

– Скажи, господин, какое наказание ты обрушиваешь на нас, за то, что мы не узнали твоих посланников? – сказал Филип и остальные ортодоксы одобрительно загудели.

Миша с трудом сдерживал гримасу отвращения. В сравнении с образом мыслей этих психопатов, мазохизм просто верх здравого смысла. Громила ехиатойец сделал вид что размышляет, Миша был уверен, что они заранее продумали весь план до мелочей. Хотя когда красный озвучил приговор, у мужчины некрасиво отвисла челюсть.

– Филип, ты понесешь наказание один за всех! – царственным голосом произнес ехиатойец. – Повелеваю идти вместе с ними – он показал рукой на ошарашенных Мишу и Риту – в Железную степь. И препроводить новоприбывшего в Иистек, то есть наш город.

– Так... это... как бы... – Филип тоже не ожидал такого поворота событий.

– Приказ ясен? – жестко спросил Гаврилыч.

– Да господин. – покорно, как раб ответил ортодокс.

– Выдвигаетесь немедленно, в пути во всем слушаться наших ставленников. – сказал Гаврилыч – Готовы?

Ортодокс затряс головой, соглашаясь. Миша тоже вскочил на ноги, только Рита несогласно покачала головой:

– Что еще? – Гаврилыч все еще был раздражен.

– Пусть вещи вернут и обувь – Рита как любая женщина была весьма практична – Путешествие и так будет не сахар, а топтать босиком по камням, мне совсем не хочется.

Глава пятая.

Филип ныл, и это выводило Мишу из себя. Причем он ныл по любому поводу и вообще без повода. За три часа совместного пути он осточертел Мише донельзя:

– Грех в одежде ходить, – подвывая, говорил он и теребил набедренную повязку, наспех скрученную из полотенца – и обувь носить грех!

– Если ты будешь идти по этому гравию без обуви, то разобьешь ноги. – спокойно и доброжелательно ответила Рита, ее запас терпения, похоже был безграничен.

– Это же хорошо! – воскликнул Филип – Мы ведь попали сюда чтобы мучатся и тогда....

– Тогда, – перебил его Миша – нам придется тащить тебя на горбу.

– Так еще лучше, ведь мучения смогу принимать не только я, а еще и вам помогу!

– Дебил! – пробурчал Миша и сплюнул.

– Если нам придется тебя тащить, мы не успеем выполнить просьбу ехиатойцев. – терпеливо объяснила Рита.

– Это не просьба, это приказ! – Филип переключился на вторую тему, которая была у него после нытья, проповедование – Женщина, мы недостойны просьб, только мучений и приказов! Если мы будем стойки в вере, то возможно нам простятся наши грехи.

– Ну да, – зло сказал Миша – и нам позволят посидеть на пороге Царства Божьего?

– Не обязательно, – снисходительно усмехнулся ортодокс – возможно Всевышний проявит милосердие и убьет нас окончательно.

– Ладно, кончай свой треп. – Миша заметил, что дорога стала ровнее – Давайте чуть пробежимся, мы опаздываем.

Наверное, они находились в русле высохшей речушки, крупный слежавшийся песок не ранил ноги, и они побежали экономной трусцой. После Сдвига достаточно крупных животных, способных быть верховыми или упряжными не осталось, и бег был самым быстрым способом передвижения.

Рита и Миша, как добытки и разведчики бегали много и для них марафонские дистанции не представляли трудностей, главное держать дыхание и следить за мышцами. А вот у Филипа сразу пропало желание проповедовать, уже через пять минут он жадно глотал воздух и топал как слон.

Рита поглядывала на мужа, но предоставила ему решать, когда сжалиться над ортодоксом. Миша держал темп полчаса и дал сигнал к привалу. Филип остановился и просто упал

на землю. Он прерывисто и сипло дышал. Рита дала ему флягу. Миша брезгливо посмотрел на него:

– Ну, чем тебе не мучения? – с насмешкой спросил он – Вот чем занимаетесь в Дите, по часу, утром и вечером. Все лучше, чем себя и друг друга кромсать.

– Нет – через силу выдавил Филип – физкультура тоже грех, она возвеличивает брненное и грешное тело.

– Слушай, – Миша понял, что злиться на фанатика бессмысленно – ответь на один вопрос?

– По мере моих ничтожных сил, постараюсь – Филип подобрался, проповедник в нем почувствовал добычу.

– Ты кем был до Сдвига?

– О, – с удовольствием потянулся Филип, рассказывать свою историю он любил, ему казалось, что это проповедь и покаяние – я был шпионом. . . .

– Кем?! – Рита чуть не подавилась куском мясного червя.

– Шпионом, – повторил ортодокс и даже изобразил нечто похожее на улыбку – с четырнадцатого по сороковой год я работал на Абвер. – Филип принял их молчание как приглашение рассказать о себе – Я родился в Франкфурте, но города почти не помню, мы уехали в Берлин когда мне было года четыре. Мой отец, грамотный инженер, он не был слишком богат, но мы ни в чем не нуждались. У нас даже была прислуга, старая фрау Зельда, экономка и Мирабель, моя гувернантка.

У родителей не было со мной проблем, я рос на редкость послушным мальчиком, не лазил по деревьям, не купался без разрешения, но уже тогда был любопытным. Едва гости начинали разговор, я застывал и превращался в слух, я не понимал почти ничего из того, что они говорили, но все равно слушал. Мать в таких случаях смущенно извинялась и за руку уводила меня в детскую.

Там она давала мне затрещину и, не обращая внимания на мои слезы, спокойным тоном объясняла, что когда взрослые разговаривают, я должен быть в детской комнате. Если такое происходило, то субботняя порка была еще более жестокая. Отец отводил меня в чулан за кухней, оттуда на улицу не были слышны мои крики, ведь согласитесь, из приличного дома не должны доноситься крики, и к положенным ударам добавлял еще пять.

Однажды, мне было восемь лет, я увидел свою гувернантку в странной позе, она склонилась к двери и, как мне показалось, обнюхивала ручку. Я спросил, что она делает, Мирабель покраснела, ответила, что ничего и быстро ушла.

В коридоре никого не было и я подошел к двери, из-за нее доносились странные звуки. Я наклонился и увидел, что мать лежит в одной сорочке и стонет. В тот момент я думал, что ей плохо, лишь спустя несколько лет я понял, почему она стонала и зачем гладила низ живота.

Никогда раньше она не представляла передо мной с распущенными волосами, мне показалось это очень привлекательным и запретным. И еще я понял свое призвание – подглядывать и подслушивать.

Чужие тайны стали для меня навязчивой идеей, мне было интересно, что говорят люди когда меня нет рядом. К тому же это было выгодно, благодаря своей страсти я закончил школу с высшим баллом. Вы не представляете, насколько учителя ценят лояльных учеников. Хотя я не раз был избит одноклассниками, оно того стоило.

Потом сербы убили эрц-герцога и началась война. Моя семья была не настолько богата чтобы я получил белый билет и мне предстояло кормить вшей в окопах. Но мне повезло, меня заметил Серый Человек. Я его так называл только в мыслях, сказать подобное вслух, даже в одиночестве я боялся. Ведь я прекрасно знал что любой голос можно подслушать. Серый Человек, худой, невзрачный, представился Карлом Айзенштанцем, впрочем через три месяца он уже был Дитрихом Бохом, через год Юргеном Вайнером.

Он был человеком из Абвера и он заметил мои способности. Думаю, я оправдал его ожидания. Мои отчеты всегда содержали максимум информации и минимум эмоций. Не потому что я был холодным профессионалом, просто мне было наплевать о чем именно говорят люди которых я подслушиваю, удовольствие доставлял сам процесс.

На какие только уловки мне приходилось идти: прикидываться нищим калекой, часами лежать, скрючившись в подполе, я даже брал уроки у одного акробата и однажды полчаса висел под потолком, зацепившись руками и ногами за балки.

Я не имел способностей к языкам и едва осилил школьный курс французского. Серый Человек придумал для меня другой метод. Я запоминал звуки и мог их воспроизводить. Это трудно, но возможно, однажды я на слух пересказал половину поэмы Руслан и Людмила, русского поэта Пушкина.

Мне давали специальные пилюли, усиливающие слух, от них дико болела голова и к тридцати годам женщины интересовали меня только как объекты подслушивания. Но я не жаловался, ведь я занимался любимым делом.

Не думайте, я прекрасно знал что люди, за которыми я следил и подслушивал, чаще всего оказывались в каменном мешке, где рассказывали все, что не услышал я, а потом получали пулю. Но и на это мне было плевать. Среди них не было невиновных, за невиновными разведка не следит.

Помню в Дрездене двое подростков, двенадцати и тринадцати лет обсуждали покушение на фюрера, так как при очередной чистке рядов партии их папашу отправили в концлагерь. До сих пор не знаю, встретились ли они с отцом, но в лагерь загремели оба.

В тридцать восьмом Гитлер начал победный марш по Европе, вот золотые настали денечки. Работы было хоть отбавляй, пригодилось даже мое корявое знание французского. Моя карьера не просто пошла вверх, она взлетела. Меня даже наградили железным крестом за усердную работу. И вся эта идиллия развалилась в одночасье как карточный домик.

Берлин в апреле сорокового года утопал в цветах, вся нация праздновала день рождения вождя. Парады и шествия, развлечения и величественные церемонии. Тогда мы еще верили в то, что арийцы равны богам, а Гитлер укажет путь развития для всего человечества. Потом, в конце сороковых все будут доказывать, что они не верили фюреру и все как один были против войны. Только это все ложь, верили все, даже дети вопили: «хайль Гитлер».

Меня вызвали в Рейхстаг, как я думал для награждения. Обычно я редко появлялся в официальных зданиях, сами понимаете, специфика работы. Я одел лучший костюм и два часа надраивал туфли. За полчаса до назначенного срока я вышел из автобуса и направился к цитадели немецкого порядка. В холле меня встретил Гюнтер Крюгер, доверенное лицо Серого Человека. Он курировал мою работу и объяснял мне детали каждого задания.

Взяв меня под руку, он проводил меня в гардероб. Там меня ждал сюрприз, на мою голову накинули мешок и через час я очнулся прикрученным проволокой к стулу в каком-то подвале.

Я никогда не интересовался объектами подслушивания, как выяснилось, зря. Последним объектом был шеф СД Рейнхард Гейдрих. Не знаю каким местом думал Серый Человек, но устраивать прослушку таких людей, совершенно безумный поступок.

Никогда не пробовали рассказать о том, чего не знаете? Я пробовал, не знаю, сколько времени я провел в этом подвале, но сознался во всем. Даже, по-моему, в предательстве Христа. Через два часа допроса, я понял, что не выберусь оттуда живым, а еще через час, мне уже хотелось сдохнуть.

Потом я Сдвинулся сюда и понял каким великим грешником я был. Но если раскаяться, то Всевышний пощадит нас и убьет окончательно, главное унижать и мучить презренную плоть искренне и безжалостно.

– Все, – Миша резко поднялся – хватит языками чесать, отдых окончен, пошли!

Рита молча поднялась и поправила котомку. Филип покачал головой:

– Зря ты не слушаешь меня. Если даже такой грешник как я может надеяться на прощение, значит и для тебя не все потеряно!

Миша развернулся и кулаком ударил Филипа в лицо, от удара ортодокс полетел на землю. Несколько секунд лежал, потом кряхтя и сплевывая кровь с зубами поднялся.

– Ты не «великий грешник», – сказал Миша – ты обыкновенная гнида и ничего больше. Я очень надеюсь, что ты не выберешься из Железной Степи. А теперь пошли.

Где-то час они быстро шли, переходя на бег, чтобы Филип не отставал, Миша пропускал его вперед и тычками подгонял фанатика.

Горы сменили сначала крутые, а потом пологие холмы, но все равно Железная степь не вписывалась в пейзаж. Круглая, если верить ехиатойцам, плита диаметром в сто километров, была вдавлена в многострадальное тело земли. Песок не засыпал степь, растения не бросали побеги на ее проклятую поверхность, только покрытое тонким слоем ржавчины железо.

– Мертвое место. – прошептала Рита.

Никто ей не ответил, Миша ненавидел эту степь еще с момента Сдвига, даже неугомонный Филип заткнулся и мрачно смотрел вперед. Многие, те, кто никогда не был в Железной степи, считали ее просто одной из аномалий, вроде Бермудского треугольника на старой Земле. Однако побывавшие здесь боялись даже приближаться к ней. Дело в том, что Железная степь умеет заглядывать в душу и вытаскивать из нее на поверхность самое гнусное и страшное, насмехаясь над страданиями человека.

Из-за скалы вышел Гаврилыч, Филип заметался ища россыпь острых камней или хотя бы гальку, не нашел и, с сожалением, бухнулся на колени в мягкий песок. Ехиатойец походя коснулся макушки завывающего ортодокса, тот ткнулся носом в песок и захрапел. Супруги скинули котомки и устали на него.

Гигант достал из привесного кармана пояса амулет, похожий на древнекитайский знак рыб, только в этом случае серебряная и коралловая фигурки изображали мерзкого вида пауков. С видимым усилием Гаврилыч разделил их и те злобно шевельнули лапками. Не обращая внимания на попытки вцепиться в лицо, он поднес каждого к губам и что-то прошептал. Потом протянул серебряного Мише, кораллового соответственно Рите.

Сразу после Сдвига, Рита бы взвизгнула от омерзения, но здесь не только слизи и грибы были огромными, насекомые тоже, так что она привыкла. Хотя местные арахиды были безопасны для человека, Миша тоже не спешил взять паука в руки. Гаврилыч покачал головой, мол, надо.

Стараясь не выдать дрожи, Миша протянул руку. Металлический паук перепрыгнул на запястье, довольно сильно укусил за тыльную сторону ладони, обхватил руку холодными лапками и превратился в туго сидящий браслет.

Гаврилыч обнял их, это было так неожиданно, что они даже не сопротивлялись. Суровый ехиатойец, вечно мрачный и грозный, сейчас выглядел потерянным. Рита, успокаивающе погладила его по руке:

– С нами все будет в порядке, не волнуйся!

Миша согласно кивнул и, с бодростью, которой не чувствовал, хлопнул гиганта по ребрам, достать до плеча он мог, только подпрыгнув:

– Не надейся, старик, от нас так просто не избавишься! – он подмигнул – Мы с тобой еще грибного самогона у Ямагаты попьем!

– Ладно, шутки в сторону – Гаврилыч уже справился с эмоциями – Эти браслеты позволят вам не потерять друг друга и самих себя. Кроме того я смогу следить за вашим состоянием и в случае чего, постараюсь помочь. Главное помните, кто вы есть на самом деле и что все увиденное в степи иллюзия.

Миша посмотрел на лежащего без сознания Филипа и спросил:

– Гаврилыч, а зачем мы этого психа с собой тащили?

– Если дело обернется совсем плохо, я поменяюсь с ним телами – ответил ехиатойец и брезгливо поморщился.

– А это возможно? – спросила Рита.

– Возможно, но, во-первых: очень опасно, а во-вторых: омерзительно. Так что вы постарайтесь не доводить до такого, договорились?

– Договорились. – хором ответили супруги и, поскольку оба были любопытны, так же хором спросили – И почему?

– Почему, что? – Гаврилыч явно не хотел развивать эту тему, но не на тех собеседников попал.

На этот раз супруги спросили в разнойбой.

– Почему это опасно? – спросил Миша.

– И почему омерзительно? – спросила Рита.

– Почему-почему! – рыкнул гигант – Потому что если я хоть чуть-чуть ошибусь, то застряну в его теле навсегда или в Лимбе буду куковать. Удовольствие от такого переноса и так не большое, так еще представьте какая у него в голове помойка, похлеще той, что они в Дите устроили!

– Ладно, – примирительно сказал Миша, они поняли, что задели друга – будем стараться сами выбраться.

– Идите прямо, я договорился с браслетами, – ехиатойец говорил о них как о живых существах – они выведут вас прямо к новенькой. Объективно путь туда-обратно не займет больше шести часов, а субъективно...

– А субъективно, будет видно! – мрачно сказал Миша – Пошли!

Рита ступила на ржавую поверхность Железной степи с легким трепетом, такое же чувство она испытывала когда впервые выступала на школьном концерте. Легкий страх, возбуждение, любопытство и зашкаливающий адреналин.

Ничего не произошло, она сделала еще пару шагов и обернулась, помахав Гаврилычу и мужу:

– Ну где же ты? Идем! – звонко крикнула она.

В душе Миши билась паника, он-то помнил, на что способна Железная степь. Стиснув зубы до хруста, белый как полотно, он шагнул вперед.

Под ногами оказалась не пыльное, ржавое железо, а лужа. Нога в, невесть как оказавшемся на ней, армейском тяжелом ботинке, скользнула по глинистому дну. Легкую, сшитую из парашюта рубашку и такие же штаны, сменил армейский пропитанный влагоотталкивающим составом комбинезон, а плечи придавил тяжелый бронежилет. Вместо котомки за спиной болтался автомат, его смертоносную тяжесть он не спутает ни с чем.

В нос ударил запах тины, преющей листвы и гниющей плоти, к нему примешивался запах резины, на лице была одета фильтрующая маска. Мелкий, морозящий дождь оставлял капли на защитном стекле.

Миша осмотрел костюм, на броннике была одета разгрузка с тремя гранатами РПГ и одной Ф-1, слева подмышкой кобура с Гюрзой и запасные обоймы на груди, на поясе висел десантный нож и фляга. В карманах обнаружили: два бинта, аптечка и две пачки галет. Что же, Железная степь начала свою безумную забаву. Миша закатал рукав и посмотрел на серебряного паука. Магическое насекомое пошевелило лапками, еще раз, наглая сволочь, укусило и оцетинилось мелкими, в сантиметр, частыми иглами. К счастью не во внутрь, а наружу. Еще через секунду иглы уложились в новом порядке. Вместо серебряного ювелирного изделия на руке Миши был вполне обычного вида КПК, разве что, со слишком массивным браслетом...

Глава седьмая.

Кусты шевельнулись, странно так шевельнулись, одна ветка прогнулась против ветра. Может быть это паранойя, но проверить все же надо. Миша достал пистолет, таким образом, чтобы его не было видно сидящему в кустах, взвел курок и повернулся спиной. Это чуть не стоило ему жизни, под уродом не шелохнулся ни один листик, если бы не шланг противогаза, лягнувший по асфальту нижним концом, снарк вцепился в незащищенный затылок Миши.

Развернувшись, так быстро, что надсадно, скрипнули мышцы, он всадил три пули в грудь летящему на него мутанту. Это сшибло снарка с траектории прыжка, но не убило, и даже не замедлило. Перекувыркнувшись через голову, мутант скрылся в кустах на противоположной стороне дороги.

Был бы это обычный зверь, после такого отпора, он бы предпочел уйти, впрочем, три пули из Гюрзы окончательно решили бы вопрос с большинством диких зверей. Но снарк, дикая шутка Зоны, обладал поразительной способностью к регенерации. К тому же они вообще не чувствовали боли, во всяком случае, так утверждает профессор Круглов. Все эти мысли проскользнули в голову Миши, практически не зацепив сознание. Сейчас ему было не до физиологии снарков. Единственное что его интересовало, это отличный аппетит тварей и он планировался главным блюдом у мутанта.

Можно отстрелить снарку ногу, долговцы как-то пробовали, но он все равно будет кидаться, разбрызгивая вокруг бурю жижу, что заменяет ему кровь. Единственное верное средство утихомирить снарка, как впрочем, и большинство здешних мутантов – пуля в голову. Миша огляделся, бегать по кустам то от снарка, то за ним, желания не было. Решение стояло в двадцати метрах, ржавый, со следами зеленой краски вагончик строителей. Окна узкие, тварь не пролезет, вход один, идеальное место для засады.

Разумеется, ни зверя, ни тем более, человека не заманить в такую детскую ловушку. Но снарки не отличались умом, видимо вся нервная деятельность уходила на акробатику и переваривание пищи. Миша заскочил в вагон, понимая, что здорово рискует, помещение мог присмотреть как берлогу и другой мутант.

Повезло, вагон был пуст, только в углу за грудой переломанных ящичков было покинутое гнездо тушканов. Миша взял на прицел дверной проем и стал ждать. Снарк передвигался совершенно бесшумно. Рваная маска противогаза показалась у самой земли. Никто не знал, что заставляло этих мутантов надевать их на голову, но они всегда были в них. Кто-то говорил, что это бывшие сталкеры и в таком виде их застал Выброс, кто-то, что это остатки разума, лично Миша считал, что они просто разок увидели свое отражение без маски и обделались.

Пуля успокоила наконец мутанта, для верности, Миша всадил еще одну в его голову и осторожно переступил изувеченный труп. Потом достал нож и отрезал ступни монстра – зарабатывать все же надо. Он огляделся, дождь перестал и видимость увеличилась. Ничего подозрительно не видно, что впрочем, еще ничего не означает, снарка он тоже заметил в последний момент. Зона не прощает расслабленности.

КПК включил зуммер, выдавать свое положение звуковым сигналом, было верхом идиотизма. Миша посмотрел на экран: «Сидорович: есть новые образцы снайперского оружия». Вот гаденыш, подумал Миша, обещал ведь придержать, пока я не приду! Ладно, черт с ним, до бункера оставалось метров двести, успею.

У постояльцев «лагеря для новичков» отродясь не было таких денег, чтобы купить хорошую снайперку. Эти молокососы даже на кровососа с обрезом шли. Кровососы, разумеется, были не против халявной жратвы. Так что из десяти новичков, только двое-трое добирались до Бара, естественный отбор ёпть....

Обогнув «карусель», еще раскручивающую остатки перьев и капли крови, недавно удивившей в нее вороны, Миша пошел по склону к бункеру Сидоровича. Короче было через Лагерь, но Волк обязательно бы пристал с расспросами, а это минут сорок потерять, винтовка

за это время могла уйти в чужие руки. Часовые Лагеря, полоротые юнцы, даже не заметили его, хотя он особо не скрывался. Миша никогда не мог понять, зачем Волку, матерому сталкеру, возиться с этим детским садом.

Хотя в Зоне все малость с приветом, у кого совсем крыша уезжает, уходят в группировки: Долг, Свобода и совсем помороженные к Монолиту. А Волк решил педагогической деятельностью заняться, за что имел честную десятую долю от всего, что соберут новички. Мелочевка конечно, но если прикинуть, Кордон не санаторий, разумеется, но в сравнении с той же Темной Долиной, шкуру тут легче сохранить.

Перед самым входом в бункер зеленою светился «студень», кислотная аномалия, не слишком опасная, если мордой туда не воткнуться, но Миша решил побереечь новые ботинки и осторожно обогнул лужу кислоты.

Сидорович, сидел за столом и увлеченно вышивал на пальцах. О тайной страсти самого прожженного барыги Зоны, не знал только ленивый, но если хочешь получать припасы, оружие и патроны, по грабительским, а не занебесным ценам, то лучше не смущать его. Миша так же тихо как вошел, поднялся по лестнице и опять пошел вниз, уже тщательно как на плацу, громыхая ботинками. Торговец спрятал вышивание и сейчас разбирал и чистил потертый ТТ.

– Смазка, – проворчал Сидорович вместо приветствия – ты так топаешь, что я удивляюсь, как ты до сих пор жив!

Смазкой, Мишу стали звать после того как отдыхая возле Бара, он начал по третьему разу чистить и смазывать автомат. Кто-то из молодых сказал, что это пустая трата времени, а Миша возразил, что автомат, как баба, любит ласку и смазку. Кличка пошла в народ, а как известно, если наши люди придумали имечко, потом песком не ототрешь.

– Сидорович, лучше я потопаю у тебя на входе и ты удивишься моей походке, чем я зайду тихо и удивлюсь заряду дроби в морду. – усмехнулся Миша. Сидорович довольно заржал.

– Ладно, проходи. – махнул он рукой и провел Мишу в святая святых, свою подсобку. Обычных сталкеров он не пускал дальше перегородки в коридоре, психов в Зоне хватало, но Мише почему-то верил – Вот она. – показал он на замотанный в промасленную тряпку предмет.

Миша осторожно развернул ветошь и погладил вороненый ствол винтовки. Снайперский ВАЛ, доведенная спецями до совершенства, швейцарская оптика, увеличенный до пятнадцати патронов магазин. Мечта сталкера! Сталкер оттянул затвор, нажал на курок и услышал мягкий щелчок, механизм работал слаженно и как-то нежно, то, что нужно.

– Пристреляна? – спросил он.

– Обижает, Смазка, – ответил Сидорович – для тебя только лучшее! Кстати, давно хотел спросить, чего ты так за отечественное оружие цепляешься? С твоими доходами давно мог перейти на Бельгию.

– Ага, – ухмыльнулся Миша – и ящик боеприпаса с собой таскать? А патронами на эту красавицу, можно с каждого второго трупа разжиться.

– Как знаешь, – пожал плечами Сидорович – кстати, о патронах, – он выложил на стол две объемистые коробки с армейской маркировкой – снайперские и бронебойные. Теперь поговорим за деньги?

Как только дело касалось денег, у Сидоровича исчезали друзья, приятели и даже родственники, но проявлялся сильный еврейский акцент, хотя еврей из торговца, как из китайца швед. Миша услышал первую цену, обозвал Сидоровича предпоследними словами и предложил свою цену. Тут торговец обозвал сталкера последними словами, плюс некоторыми новыми. В результате получасового спора, Миша стал обладателем винтовки, а Сидорович: двух тысяч американских рублей, трех «огненных шаров», двух «капель», одного «ежа» и пары дурно пахнущих стоп снорка. Последние торговец не хотел брать, но Миша решил, что консервы от такого соседства в рюкзаке, испортятся окончательно и отдал за символическую плату, в пять раз меньше чем дают ученые.

Потрепанный АКМ, он тоже продал Сидоровичу, причем за смешные деньги. Только идиоты ходят по Зоне обвешанные оружием как елка игрушками, во-первых тяжело, а во-вторых пока будешь решать какой ствол хватать, получишь пулю.

КПК опять завибрировал, Миша посмотрел сообщение, опять какая-то фигня: «помни кто ты», ни подписи, ни намек что это означает. Но на душе появилось чувство, что он опаздывает. Сталкер нахмурился, что не укрылось от цепкого взгляда Сидоровича:

– У тебя проблемы, Смазка? Может быть помощь нужна?

Насколько это вообще возможно при его профессии, Сидорович относился к Смазке как к другу. К тому же полезно иметь в приятелях человека способного залезть в самое пекло и при этом вменяемого, крайне редкое сочетание. Ему можно даже даром помочь, такие как он никогда не забывают услуг, Сидорович врал сам себе, пытаясь меркантильными соображениями загнать поглубже мысль, что парень ему просто нравится.

– Спасибо, – покачал головой Миша – не надо. Видно, кто-то из хакеров балуется, нервы трепет. Буду я еще из-за обалдуев бучу поднимать. Ну пока, легких дорог!

– И тебе легких дорог, сталкер! – махнул ему на прощание Сидорович протирая ветошью ТТ, но Миша знал, что только он уйдет, торговец достанет пяльцы.

Теперь можно было заглянуть в Лагерь новичков. Молодые собрались возле костра и травили байки, с ним поздоровались вежливо, но без подобострастия, что правильно, Зона шестерок не любит. Ему предложили водки, Миша не отказался. Дешевый алкоголь привычно продрал горло, колбаса, невесть из чего сделанная пошла за милую душу. В ход пошли анекдоты, но настолько бородатые, что Миша не стал слушать и отошел в сторонку, где на перевернутом ящике от снарядов сидел Волк.

– Как жизнь в детском саду? – не без ехидства спросил Миша.

– Как в голливудском ужастике, только кишки воняют – мрачно ответил Волк.

– Выкладывай! – уже без тени юмора сказал Миша, Волк был сталкером тертым, почему зря в депресняки впадать бы не стал.

– Бандюки достали, мать их ети! – сталкер зло сплюнул – Ваньку Ерша из-за какого-то паршивого «каменного цветка» убили. А Дениса Юмориста, у себя держат, как заложника. Мизинец прислали, мол, если не будем им башлять процент, они и его в капусту порежут и нас перестреляют.

– Странно, когда Меченный Борова порешил, – удивился Миша – они вроде притихли, да и покروшили тогда этих отморозков неслабо....

Волк достал папиросу и подкурил, в воздухе ощутимо запахло коноплей. Из Свободы он ушел года два назад, но некоторые привычки сохранил. Жестом, он предложил Мише, но тот отказался. Волк расслабленно откинулся на стену дома и продолжил:

– Эти новые, Боров, хоть и урод, но какие-то правила соблюдал. А эти героинщики, совсем без царя в голове. – Волк замолчал.

– Что делать будете? – спросил Миша, он уже догадывался, куда клонит Волк.

– Воевать, что же еще? – удивился смотритель Лагеря – Мы того уroda, что палец нам притащил и ультиматум сказал, зарезали и закопали, так что к вечеру, я думаю, они припрутся всей кодлой.

– Окапываться надумал?

– А что, – Волк уловил в голосе Миши сомнение – есть варианты?

– Вас тут как в тире перестреляют. – убежденно заговорил Миша – Ты еще может и уцелеешь, а желторотиков всех положат. Надо напасть первыми, этого они не ожидают.

– На подходах к АТП негде спрятаться. Бандюки психи, но не идиоты, охрана там есть, я проверял.

– Охрану я возьму на себя, – усмехнулся Миша – заодно винтовку пристреляю.

– Если так, то я согласен.

– Поднимай ребят, – вставая с ящика сказал Миша – раньше начнем, раньше закончим.

Бывшее АТП, а ныне база бандитов, сохранилось на удивление хорошо. Стекол, разумеется, не осталось, но кое-где осталась крыша. Под этими сухими островками бандиты разводили костры и отдыхали от трудов несправедных. К охране они отнеслись с еще большим пренебрежением, чем новички-сталкеры.

Всего два бойца у южных ворот и один на крыше пристройки главного здания. Видимо им в голову не могло прийти, что кто-то решится на них нападать. Но Зона никогда не прощала беспечности. Молодые сталкеры уже хотели расходиться полукругом, но Миша их придержал жестом и передал бинокль Волку:

– На севере, смотри – прошептал он.

Волк какое-то время вглядывался в туманную после дождя даль, потом ощерился в зло-радной ухмылке:

– Спасибо Черному Сталкеру, не перевелись еще идиоты в Зоне. – тихо сказал он и жестом приказал всем сидеть тихо и не отвечивать.

С северного въезда, вовсе не охраняемого бандитами, на территорию АТП проскользнули три черно-рыжие тени. Псевдособаки вряд ли нанесут серьезный урон банде, но внесут в их ряды веселое разнообразие. Во время, которого, можно спокойно пострелять, подумал Миша и снял с плеча винтовку.

Первым он уложил охранника на крыше, чтобы он не предупредил остальных о визитерах и не испортил сюрприз. Сюрприз удался на славу, обладающие хоть и слабым, но действенным телепатическим даром собачки, устроили подлинный бедлам среди бандитов. Телепатия псевдособак, не позволяла управлять человеком, как это делают «контролеры», но заставляла людей промахиваться и поднимала из подсознания инстинктивный страх. Хотя глядя на оскаленные морды с двумя рядами зубов, страх становился не инстинктивным, а вполне осознанным.

Одна из псевдо собак вцепилась в затылок сидящего спиной к ней бандита. Он закричал от боли, но тут же замолчал, остальные с перепугу шарахнули в него из обрезов, застрелив и собаку, и кореша. Две оставшиеся кинулись вперед, вырывая у уголовников из тел куски помягче и повкуснее. Бандиты открыли беспорядочную стрельбу, не попав ни разу по псевдособакам, они ранили двоих своих. Миша не стал дальше любоваться зрелищем, а начал всаживать пулю за пулей.

Сначала он прострелил голову самому трусливому бандиту, тот припадении выбежал с территории АТП и спрятался за деревом. У ВАЛа, отличный глушитель и ему удалось подстрелить еще двоих, прежде чем бандюки вообще поняли, что по ним стреляют. К счастью, они решили, что нападают с севера и стали прятаться на южной стороне, тактическая ошибка стоила жизни еще двоим «романтикам с большой дороги».

Волк понял, что медлить нельзя и с криком «ура», во всяком случае сам Волк кричал «ура», остальные кричали кто что хотел, но в основном нецензурно, орава сталкеров понеслась к АТП. Нападение было настолько неожиданным, что удалось даже захватить троих бандитов живьем. И что приятно, в подвале обнаружили живого Дениса Юмориста. За исключением мизинца и разбитого лица, он был цел. Из молодых никто не погиб, только одному оцарапали плечо пулей. Волк чуть не прослезился, выражая Мише свою благодарность:

– Смазка, друг, ну выручил – он так сильно сжимал и тряс ладонь сталкера, как будто решил ее оторвать – спасли молодняк, ну удружил!

Молодые обниматься не лезли, а пустили по кругу шапку, насобирав восемьсот долларов. Они прекрасно понимали, что без Миши, половина из них осталась бы там. Сталкер деньги взял, Зона не благотворительный концерт. С трофеями, снятыми с бандитов, получилось почти полторы тысячи. На всякий случай взял Сидоровича еще две коробки патронов.

В лагере тем временем решали, что делать с уцелевшими бандитами. Решение вроде «простить и отпустить» даже не рассматривалось. Уголовники скулили и клялись мамой, что завяжут, если разрешат уйти из Зоны в тюрьму. Предложения самих сталкеров отличались друг от друга только степенью жестокости и садизма. Кто предлагал связать и оставить на съедение тушканам, кто нагишом бросить в «Жгучий Пух» или «Студень». Миша решил эти споры быстро и молча, по очереди прострелив каждому голову из пистолета. На угрюмые взгляды молодых сталкеров он ответил:

– Немного чести, над поверженным врагом издеваться.

На КПК опять пришло сообщение «помни кто ты». Миша задумался, кто-то взломал его пароль, и только для того, что бы писать дебилские СМС? Скорее всего это ерунда, но почему-то он не мог выбросить из головы эти сообщения. Может быть, он сходит с ума? Миша подошел к Волку и протянул ему компьютер:

– Взгляни на это сообщение – попросил он.

– Ерунда какая-то, – пожал плечами сталкер – наверное, кто-то из хакеров Зоны балуется. Ты случаем никому из «очкариков» морду не бил в Баре?

– Не припомню – хмуро ответил Миша. Во всяком случае, эти сообщения не галлюцинации. Значит надо найти отправителя. Но было дело гораздо важнее – Волк, пойдем со мной в Припять?

Волк сначала заржал, потом посмотрел на Мишу и покрутил пальцем у виска:

– Ты голову-то проверь, вдвоем до Припяти? Да нас еще на Армейских Складах порвут в клочья! Туда отправляли целые роты спецназа и все исчезли без следа.

– Я дошел до окраины Припяти, один, с раздолбанным АКМ и двумя рожками патронов....

– И теперь, – Волк усмехнулся – ты предлагаешь изощренное самоубийство на двоих? Для этого у меня должна быть очень веская причина, которой я не вижу!

Миша порылся в рюкзаке и из потайного кармана достал пульсирующий попеременно зеленым и фиолетовым кубик:

– Знаешь, что это?

– «Эскулап»?! – Волк машинально сделал шаг в сторону и заслонил артефакт от взглядов молодых сталкеров – Где ты его взял?

– Вытащил из кармана мертвого «монолитовца». Как выяснилось «эскулап» не лечит, если мозги пациента лежат в пяти метрах на асфальте.

– Сколько? – Волк никогда не был слишком жадным, предпочитая зарабатывать помаленьку, но регулярно. И сейчас им двигала не жажда наживы, у него дочь лежала в киевском онкологическом центре. Три дня назад, ее перевели в местный хоспис. Если какое чудо и было способно поднять девочку, то только «эскулап». Этот артефакт лечил почти все, включая лейкемию, но был настолько редким, что многие вообще не верили в его существование.

– Ты же знаешь, Волк, он бесценен.

– Смазка, – сталкер вспоминал дочку, какой ее запомнил, бледную, слабенькую – я любые деньги заплачу.

– Нет, – покачал головой Миша – цена одна, пойдешь со мной!

– А если я не вернусь? Что если мы не вернемся?

– Волк, я знаю тебя уже давно. – успокоил его Миша – Ты отличный сталкер, и не нажил богатства только по причине патологической честности. Дай слово что пойдешь со мной и у тебя будет время до рассвета, чтобы переправить артефакт на большую землю.

– Я пойду, – твердо сказал сталкер – обещаю тебе!

Волк заперся в бункере с Сидоровичем, решая вопрос переправки «эскулапа». Миша лежал на прелом матрасе и пытался заснуть. Вместо нормального сна в голове кружился хоро-

вод то ли снов, то ли галлюцинаций. Красная лента, медленно соскальзывающая с изящной женской ладони. Огромные грибы, в три человеческих роста, самых причудливых расцветок. Ободранный голый человек, при чем Миша почему-то был уверен, что он шпион. Маленькая девочка с окровавленным кованым крюком в руках, стоящая на краю загаженной площади. Вокруг стоял душный запах ржавчины, и женский голос все повторял: «помни кто ты».

Под утро, Миша все же заснул, если ему что и снилось, он не запомнил. Проснулся сталкер в отвратительном настроении, злой, не выспавшийся и трезвый. То есть в самом идеальном состоянии духа, для похода по Зоне.

Он подсел к костру. Молодые предложили ему водки. Как лекарство от радиации, да и от психоза, водку здесь пили все. Миша отказался, сегодня ему требовалась трезвая голова, поэтому он просто глотнул две таблетки «антирада». Гарантированная изжога, зато прицел не будет плясать.

Пришел Волк и принес термос кофе, видимо у Сидоровича разжился. Кружка растворимой бурды, взбудрила Мишу. Они еще раз проверили снаряжение и даже попрыгали, чтобы проверить, не лязгает ли чего. Волк достал карту:

– Я так думаю, – он провел карандашом линию от Кордона мимо Свалки, прямо к

Агропрому – на Свалке нам делать нечего, пройдем по краю Агропрома, если повезет, то не засветимся перед вояками. А бандюков там не много осталось, авось отобьёмся. – он продолжил линию к лагерю ученых – Но на Янтаре, полно снарков и зомби, думаю надо взять пару дробовиков....

– Волк, – усмехнулся Миша – я знаю способ лучше.

Миша достал из рюкзака антирадиационный свинцовый контейнер, аккуратно отвинтил крышку. Оттуда выпорхнула маленькая шаровая молния и уютно примостилась на ладони Смазки.

– «Телепорт»! – выдохнул Волк, этот артефакт не был такой редкостью как «эскулап», но найти его можно было только очень глубоко в Зоне. Поодиночке они встречались довольно часто и назывались «Лунный свет», слегка радиоактивные, они обладали полезным качеством, увеличивая силу и выносливость человека. Но если аномалия «электра» производила не один, а сразу два артефакта, то они были неразлучно связаны, как бы далеко не находились друг от друга. При сильном ударе об землю, эта связь активизировалась, и получался телепортационный тоннель. Мгновенная связь между двумя точками пространства.

Чтобы не привлекать внимания, «Лунный свет» активировали в близлежащем овраге. Зябко передернув плечами, Волк шагнул в мерцающий тоннель. Миша выждал минуту, чтобы не натолкнуться на товарища при выходе и собрался идти следом. КПК уколочил его руку, видимо на металлическом корпусе появилась заусеница. Миша потерял кисть и механически взглянул на экран. Он сам отключил прибор, техника не переносила телепортацию. Но на темном экране светились буквы: «помни кто ты».

Миша задумался. Невозможно прислать сообщение на выключенный КПК. Кроме того, это сообщение заставляло вспоминать то, чего никогда не было. Или было? Может быть так Чёрный Сталкер, сводит сталкеров с ума? Нет, надо встряхнуться, сказал себе Миша, сейчас мне нужно идти в Припять. Там крайне важное дело, но почему-то он никак не мог вспомнить какое. Просто важное, жизненно необходимое. А потом, если повезет и он останется живым, можно будет разобраться с странными сообщениями.

Сталкер, поправил автомат и шагнул в тоннель телепорта.

Глава восьмая.

Рита засунула бутылку мутного самогона в рукав засаленной, потрепанной куртки. Одежда была с чужого плеча и размера на два больше. Сейчас Риту это радовало, мужики,

что сидели у подъезда, вполне могли отобрать выпивку. Посиневшими от холода пальцами она открыла дверь в общий коридор. В лицо пахнуло теплом и привычными запахами: немых тел и носков, хозяйственного мыла и хлорки, перекисшей капустой и табачным дымом. Вытертые половицы скрипели под ногами, в тусклом свете грязной лампочки, велосипеда и коляски приобретали гротескные формы. После яркого солнца, в полумраке можно было натолкнуться на что-нибудь, но Рита прекрасно помнила этот коридор.

Девушка улыбнулась, она дома, и все будет хорошо. Бабка Марыся выглянула из своей каморки и беззубо улыбнулась ей. Из ее комнаты шибанул в нос запах застарелой мочи и старости. Остальные жильцы ее терпеть не могли, но Рите эта безумная бабушка нравилась, она, во всяком случае, не орала пьяные песни в два часа ночи и не устраивала коллективный мордобой. Наскоро поздоровавшись, симпатия к бабушке, не отключала обоняния, Рита проскользнула дальше по коридору.

На кухне гремела кастрюлями тетя Марта. Рокочущим прибором из ее объемных телес доносился мат, которого, впрочем, она не замечала и даже удивлялась, откуда ее сынишка знает такие слова. По ее версии, ребенок приносит все это из детского сада, где курва воспитательница, ни шиша не следит за детьми.

С ней Рита не здоровалась без крайней нужды, тетя Марта заболтает до смерти любого, кто имеет неосторожность спросить, как у нее дела. Про свои дела она рассказывала подробно, с эмоциями и жестами. Ей удалось миновать болтливую опасность и дойти до предпоследней двери.

Когда-то покрашенная в коричневый цвет, сейчас большая часть краски облупилась, она вызывала у Риты теплые эмоции, ведь очень приятно вернуться с мороза домой. Рита прикоснулась к отполированной временем мельхиоровой ручке. Коснулась обшарпанной древесины, на которой, какой-то чужак написал мелом «помни кто ты». Она достала ключ, к кольцу которого, была пристегнута маленькая плюшевая мышка, Рита выиграла ее в игровом автомате, что раньше стоял в гастрономе за углом.

Замок как обычно заело, и Рита стала дергать ключ туда-сюда, пытаясь попасть на нужные зубья сношенного механизма. За дверью послышался скрип диванных пружин и металлический грохот вперемешку с матом. Похоже, мать проснулась и перевернула таз, что Рита подставила, на случай если ее стошнит, опять оттирать пол за мамашей, ей совсем не хотелось.

– Ритка, – сипло крикнула мать – ты что ли?

– Я, мама, – ответила Рита – замок опять заело.

За дверью послышались шаркающие шаги и щелчки поворачиваемого замка. Мать стояла на пороге, взъерошенная, с отеками на лице, на котором отпечатались складки подушки, она торопливо застегивала выцветший ситцевый халат, второпях промахнулась на одну пуговицу и он сидел на ней как кусок грязной мешковины. Сквозь дыры в тапочках видны были желтые, давно не стриженные ногти. Ее руки ощутимо дрожали, а запах перегара заставил Риту поморщиться, что не укрылось от мутного взора мамочки:

– Я те, ща поморщусь! Курва малолетняя! – Рита инстинктивно вжала голову в плечи, довольная произведенным эффектом, мать строго спросила – Принесла?

Рита молча кивнула и мать царственным жестом пригласила внутрь. В таком состоянии, Рита боялась матери, вот пропустит пару рюмок и подобрееет. Девочка поставила бутылку на стол и пошла в угол к электрической плитке, на которой, стояла сковородка с уже нарезанной картошкой. Еще утром она все подготовила, когда мать спала, оглашая комнату гнусавым храпом. Осталось только включить плитку и следить, чтобы картошка не пригорела. Мать налила в граненую рюмку самогон, выпила и довольно сказала:

– Ядреная, Матка Бозка! У Гриневича брала?

Рита пожала плечами, разумеется, у Абрама Гриневича, кто еще двенадцатилетней девочке поверит в долг. Абрам Соломонович, жалел девочку, знал, что если она не принесет

мамаше выпивку, быть ей битой. Рабочие окраины Гданьска не блещут милосердием и добропорядочностью, поэтому самогонщик-еврей, что с печальными глазами лез в шкаф за бутылкой и записывал «этот разорительный для него счет» в пухлую тетрадь, казался девочке, едва ли не святым.

Помешивая картошку, девушка смотрела на красивые картинки, которые она вырезала из журналов и клеила на стену, чтобы придать убогой комнатке хоть какую-то видимость уюта. А Мать Штриха, может лучше, промелькнуло в голове. Рита последнее время все чаще ловила себя на таких мыслях: непонятных, появляющихся из ниоткуда и уходящих так же бесследно. И еще щемящее чувство, что ее место не здесь, что это какая-то игра. Рита усмехнулась, горько, по-взрослому, так думает каждый, кто живет в этих трущобах. Она посмотрела в мутное окно, на кирпичной стене соседней общаги еще не сняли коммунистический плакат: «Да здравствует польский народ – строитель коммунизма!». Полгода прошло с победы «Солидарности» и восторженные вопли работяг о том, дескать, прогнали комунык, теперь как богачи заживем, сменились привычным скулением. Только теперь святую Польшу продали жидам не коммунисты, а Валенса. Вспоминали мифические «старые добрые времена», которые для любого рабочего, любой страны, укладывались в короткие два-три года, когда деньги уже начал зарабатывать, а папа-мама еще кормят.

Рита мало заморачивалась по этому поводу. Вообще она старалась думать сегодняшним днем, от глупых мечтаний только вред, Бася из пятого корпуса, все мечтала о принце. Все крутилась у дорогих кабаков, где местные бандиты пьянствуют. Закончилось все плачевно, хотя и закономерно: потягали ее всей бандой, а она, дура, повесилась.

Экая цаца, скривилась своим мыслям Рита, я уже счет потеряла, сколько раз меня мамашины уроды лапали. Тут главное пластом лежать, будешь брыкаться еще и по роже получишь. А если как бревно, то может и вообще интерес к тебе пропадет...

– Ритка, курва крашtos! – заорала мать – Ты нас подпалить собралась?

Девочка вздрогнула, очнувшись от задумчивости, картошка пригорала. Она ловко пере-мешала ее и добавила еще маргарина. Выключила плитку, поставила на стол, вместо подставки, потрескавшуюся от времени, деревянную разделочную доску, и водрузила на нее сковороду. Рядом поставила жестяную тарелку с бутербродами, намазанными тем же маргарином.

Мать милостиво наблюдала за дочерью, потом смахнув слезу полезла обниматься:

– Хорошая ты у меня, Ритка! Хозяйственная! – она осмотрела ее как покупатель смотрит на раба – Только тощая, кто такую возьмет замуж? Ты давай ешь! – приказала она, Рита послушно взяла бутерброд и откусила кусочек, дрянь редкостная, но лучше, чем пустую картошку есть.

У матери начался период любви ко всему живому вообще и собственной дочери в частности. Девочка смиренно терпела потные объятия матери, хотя уже давно поняла, что эти чувства лишь краткая эйфория от самогона. Знала она и то, что произойдет дальше.

Точно, стоило матери налить себе третью стопку, как в комнату ввалился Стефан. Как всегда без стука и подвыпивший, впрочем, трезвым соседа не помнили даже старожилы. Похоже он начал пить еще сидя на горшке.

– Здоровья вашей хате! – завопил он, вожаделенно глядя на бутылку.

Стефан Онучко обладал поразительным даром появляться там, где пьют. Причем проверяли, он не шпионил и не выглядывал кто за пузырем побежал. Просто, стоило открыть штоф где-нибудь в радиусе пяти километров и через пять минут Стефан говорил свое знаменитое «здоровья вашей хате». Еще одна особенность, что ему нельзя было отказать. Конечно, кое-кто посылал его, куда солнышко не заглядывает. Но потом на этого человека сыпались неприятности. Муся Дрогобыч из четвертого подъезда вытолкала Стефана за дверь, а через два дня села мимо стула и сломала копчик. Ян Костолюбский с братаном набили морду Стефану, в итоге

уже вечером к ним приперлась полиция и отобрали самогонный аппарат. Так что зажить водку Стефану, себе дороже выйдет. Мать вздохнула и взяла с подоконника мутный стакан.

– О, – хлопнул себя по лбу Стефан – чуть не запомнил, это Вашей дивчине!

Он достал из кармана мятого пальто красный, под коралл, массивный, пластиковый браслет и протянул его Рите. Девушка не запомнила момент когда брала браслет, просто в следующую секунду она рассматривает его на руке. Классная штука, похожий она видела у Мадонны. И еще надпись выполненная вплавленными стекляшками: «помни кто ты». Обрадованная Рита даже обняла старика, но почувствовав его руку под своей юбкой, как бы нечаянно наступила ему на ногу. Стефан взвыл, но через секунду захохотал:

Вот гарная жинка будет, не даст спуска мужу! – он говорил на жуткой смеси польского, украинского и русского, но его почему-то все понимали. Стефан с матерью выпили и закусили жареной картошкой, сосед не стесняясь лез в сковороду пальцами. Рита молча вручила ему алюминиевую вилку.

Дверь распахнулась от удара ногой и в комнату ввалились Збышек и Янек, жившие в соседней общаге. Уже изрядно подвыпившие, они принесли с собой полтора литра, невесть где раздобытого спирта, с отчетливым запахом ацетона. Праздник, а для местных жителей, лучшим праздником было присутствие алкоголя и плевать на календарь, приобрел размах и силу. Про Риту пока забыли. Девушка смотрела на осоловевшее лицо Збышека и вспоминала как в декабре на Рождество он насиловал ее пока мать храпела на полу. Повторения она не хотела и пока алкоголь интересовал потного толстяка больше чем ее тело, решила уйти подальше.

Был бы тут Миша, он бы мигом разогнал эту ораву, подумала Рита и сама удивилась таким мыслям. Браслет царапнул запястье, девушка посмотрела на сверкающую надпись «помни кто ты» и расплакалась. Это было странно, никогда Рита не плакала без причин, да и с причинами редко редела. А теперь слезы лились в три ручья, благо занятая спиртом компания, не обращала на нее внимания. Утирая слезы рукавом, она схватила куртку и выбежала в коридор.

Глава девятая.

В потемках она не разобрала что оказалась не в привычном коридоре общаги, а в совершенно другом месте. Только налетев коленом на какую-то грудку металлолома, рассадив кожу до крови, осмотрелась и вздрогнула от страха. Длинный тоннель, едва освещаемый редкими тусклыми светильниками тянулся в обе стороны, насколько хватало обзора. С серых бетонных стен свисали обрывки проводов и шлангов, пол покрывал слой грязи, песка и обломков непонятных механизмов. Слева в пяти шагах на стене пульсировала зеленым светом какая-то субстанция, похожая на плесень или лишайник. Рита подошла и протянула руку, желая прикоснуться к ней.

Браслет впился в другую руку тысячью иголок. Девушка вскрикнула и попыталась сорвать колючее украшение. Боль мгновенно прекратилась, но снять украшение не получилось. Стразы на браслете поплыли и сложились в новое предложение «не трогай это!». Рита зажмурилась и потрясла головой, предложение не трогать исчезло с браслета, но легче не стало. Камешки опять сложились в новый узор «это Ядовитый Студень, кислота».

Рита пошарила в карманах и извлекла сухарик, один из тех, что она скармливала дворовой собаке Лахудре. Легонько размахнувшись, она кинула сухарь в центр светящейся плесени. Хлеб прилип к пульсирующей поверхности, через секунду задымился, а еще через пять сгорел полностью. Девушка представила, что было бы с ней, прикоснись она к этой симпатичной на вид штуквине. Получается браслет если и не спас ей жизнь, то избавил от серьезного увечья, подумала Рита и погладила пластик. На ласку пластмасса, разумеется не отреагировала, но узор опять сменился, сложившись в одно слово «налево».

Девушка едва сделала три шага, как браслет опять впился ей в руку, правда на этот раз почти безболезненно, просто чтобы обратить на себя внимание. Надпись гласила «налево – туда!» и стрелка показывающая назад. Рита почувствовала, что краснеет. Хорошо еще, что никто ее позора не видел. Теперь она пошла в нужном направлении, во всяком случае ей очень хотелось в это верить. На стенах попадались странные надписи на русском языке «...стоп-контроль четвертого генератора», начало фразы облупилось с краской, «контроллер дзетта-излучения». Иногда попадались железные двери, с круглыми ручками, похожие на люки в подводных лодках, Рита такие видела в кино. Большая часть дверей была закрыта, некоторые распахнуты настежь. Девочка заглянула в одну комнату, пустая. От другой так несло тухлятиной, что даже без предупредительной надписи на браслете, она бы туда не сунулась.

С потолка свешивались клочья то ли паутины, то ли обрывки марли, Рита их тщательно обходила на всякий случай. Из любопытства протянула руку в их сторону, браслет не уколол, видимо различил что она просто хочет узнать, что это и не собирается прикасаться. Появилась надпись «Жгучий Пух, ядовит». Почти все в этом коридоре, что не являлось бетоном, было либо ядовито, либо опасно, либо смертельно. Даже странное мерцание как от горячего воздуха, браслет обозвал «Каруселью» и заставил обходить его прижимаясь к противоположной стене. Когда девушка была в двух метрах от мерцания, она почувствовала, как ее тянет к нему, но обошлось, она успела проскочить. Шагов через сто, тоннель разветвлялся, сразу за поворотом она наткнулась на мертвеца и взвизгнула. Сначала она решила, что это скелет, но кожа местами обтягивала труп, видимо он лежал здесь достаточно давно, чтобы превратиться в мумию. Труп был одет в изодранный прорезиненный комбинезон и бронежилет. В бронежилете были дыры, настолько большие что в них можно было засунуть руку. Рита не представляла, что могло проделать в человеке такие раны и не хотела это узнать.

Обойдя тело по дуге, девушка пошла дальше. Еще через сотню шагов, пользуясь подсказкой браслета, она взобралась по лестнице из вмонтированных в бетон, металлических скоб и оказалась в еще одном коридоре, как две капли воды похожем на предыдущий. Здесь стояла удушающая вонь разложения. Рита обмотала лицо шарфом, но это не помогло. Ей стали попадаться тела, не мумифицированные как внизу, а на разных стадиях разложения. Случайно заглянув в боковое ответвление коридора она увидела груды мертвецов, которых, кто-то основательно обглодал. Девушку вырвало, сгибаясь от спазмов она побежала, уже не думая об опасностях, только мечтая выбраться из могилы.

Наконец она выскочила в обширный зал, где по-видимому работала вентиляция и трупный запах не чувствовался. Риту колотило от страха и отвращения. Может быть она сошла с ума и на самом деле, сейчас бьется привязанная к кровати? Мать работала санитаркой в дурдоме и однажды взяла дочь с собой, в воспитательных целях, как сказала она. Реальные психи совсем не были похожи на хихикающих и скачущих дурачков из комедий, большая часть из них выглядели перепуганными, некоторые стонали от ужаса. Не кричали, нет, за это санитары избивают. Но подвывали как собаки на покойника.

За спиной послышался шорох, девушка обернулась, кто-то копошился за упавшим коробом вентиляции. Голый мужик сидел на корточках, спиной к ней и перебирал какой-то мусор. Качок наверное, подумала Рита глядя на огромные вздутые мышцы. Отблеск лампы попал на бритую макушку и плечи, он похоже, был вымазан в чем-то коричневом. Девушка истерично хихикнула, представив, что это могло быть. На звук, мужик обернулся и ей сразу расхотелось смеяться, верхняя часть лица была похожа на человеческую, только отражала крайнюю степень отсталости, как у олигофренов и даунов. Но нижняя часть отсутствовала напрочь, на месте подбородка шевелились щупальца, усеянные присосками.

Монстр встал, роста в нем было не меньше двух метров, раскинул руки и заревел. Щупальца встали дыбом, открыв круглый рот с крючковатыми зубами. Так выглядит смерть,

пронеслась мысль в голове девушки, от ужаса она даже забыла закричать. За спиной раздался металлический, лязгающий щелчок и мужской голос скомандовал: «ложись...»

Рита упала с грацией лягушки, больно ударившись локтями и коленками об пол. Тихие хлопки, совсем не похожие на выстрелы, едва слышались за ревом твари. Но тяжелые пули отбрасывали монстра назад. Наконец одна попала в голову и урод упал. Девушка смотрела на бьющееся в судорогах тело. Потом обернулась, чтобы увидеть своего спасителя. Он был одет в такой же комбинезон и бронежилет, что и трупы в коридоре, на лице была маска противогаза, а в руках он держал винтовку и целился в нее.

– Кто ты? Отвечай! – маска приглушала голос, но он показался Рите знакомым. Из винтовки еще струился дым и девушка отчетливо поняла, что доли секунды отделяют ее от смерти. Неправильный жест или звук, и этот человек спустит курок. Она не знала, что сказать, да и стоит ли вообще говорить и просто расплакалась. Как ни странно, но именно это успокоило мужчину. Он опустил винтовку и протянул ей руку:

– Пойдем! Кровососы редко охотятся в одиночку, обычно живут парами.

Он провел ее через какой-то коллектор к вертикальной шахте. Они поднялись на четыре уровня выше, Рита еле переставляла ноги от усталости, но не просила передышки. Стоило ей представить, что сородич того мутанта, крадется сзади, как откуда-то брались силы сделать еще десяток шагов. На конец он остановился перед обычной деревянной дверью, изрядно потрепанной, но все еще крепкой. Мужчина толкнул ее, дверь поддалась всего лишь на сантиметр-полтора и застряла. Позади раздался знакомый рев. Мужик, глухо матерясь по-русски, навалился на дверь всем своим весом, та скрипела, трещала, но не двигалась. Рев мутанта послышался ближе. Перепуганная Рита уперлась ладошками в плечо спасителя, помогая ему изо всех сил.

Как ни странно, но это помогло и дверь, еще секунду посопротивлявшись, распахнулась. Они влетели внутрь, Рита глотала воздух, а ее спутник мгновенно вскочил на ноги и захлопнул дверь. Обрато она врезалась в косяк со скоростью пули, как под сильным порывом ветра. Секунду спустя о дверь глухо ударился родственник мутанта. Но на этот раз, трухлявое дерево, даже не шелохнулось.

Тварь бесновалась снаружи, но мужчина совершенно спокойно отложил автомат и пошел в дальний угол заваленной хламом комнаты. Приглушенный свет из пролома в потолке, видимо они-таки выбрались из подземелья, не давал разглядеть детали и девушка не сразу поняла, что за остовом ЭВМ лежит человек.

– Как ты, Волк? – спросил мужчина лежащего.

– Хреново, Смазка. – невнятно прохрипел лежащий и видимо раненый человек, Рита подошла ближе и разглядела бледное усатое лицо и огромную рану на щеке – Принес?

Спаситель молча достал из темной металлической коробочки, красно-коричневую, полупрозрачную, влажно поблескивающую субстанцию и оторвал кусок и прилепил к щеке пострадавшего. Вытащил желтый тюбик с таблетками и дал пару другу. Тот принялся их старательно разжевывать, по морщинистому лицу потекли слезы, видимо боль от раны была очень сильная, но он молчал, даже не ругался.

– Принеси флягу, она в рюкзаке, там. – не оборачиваясь приказал тот, кого раненый назвал Смазкой и показал рукой на чудом уцелевший стол. Рита не стала спорить, порывшись нашла армейскую флягу и отнесла ему.

Толи от таблеток, толи от быстро наливающейся синим дряни, что Смазка размазал по ране, но раненому стало лучше. Лицо из землистого, стало просто бледным, дыхание выравнялось, а взгляд стал более осмысленным.

– Это еще кто? – удивленно спросил он, показывая на девушку.

– Хотел бы я знать. – проворчал Смазка, снимая маску противогаза.

Рита взглянула ему в лицо и вскрикнула. Она вспомнила его, вспомнила все, даже то, что сейчас они бродят по Железной Степи, а их окружают галлюцинации. Коралловый паук,

теперь она помнила, что это небраслет, точнее не только браслет, вцепился ей в руку. На его поверхности проявилось "Он не должен ничего знать, обязан сам выпутаться из лабиринта памяти".

– Ты чего орешь? – грубовато спросил Миша.

Чертов Гаврилыч, с его правилами, мысленно выругалась Рита, но правды не сказала. Знала, старый ехиатойец, не станет давать глупых советов. Думая, чтобы ответить, Рита решила применить старый как человечество, прием, то есть прикинуться дурачком:

– Ноготь сломала! – обиженно надув губки, заявила она.

Мужчины переглянулись, потом окинули взглядом заброшенное помещение, где все стены покрывала плесень и серая слизь, взглянули на дверь дрожащую под мощными ударами кровососов дверь и заржали. Рита тоже улыбнулась, как же легко управлять мужиками, главное, чтобы они всегда себя чувствовали хозяевами положения.

– Ладно, модница! – сказал Миша, не узнавая жены – Меня Смазка зовут, а это Волк.

– Рита. – ответила девушка.

– И откуда ты такая нарисовалась? – на этот раз в голосе не было агрессии, обычное любопытство – И как тебе удалось дойти живой до Саркофага, даже без комбеза?

– Не помню, – Рита приняла условия игры – я очнулась в одном из коридоров, а потом шла наугад, пока Вы меня не нашли.

– Слышишь, Волк? – присвистнул Смазка – Она невесть сколько шлялась по нижним коридорам и целехонька-здоровехонька! А ты красна-девица, человек вообще? – это уже к Рите.

Волк мрачно отдирает с лица посиневшую субстанцию, еще десять минут назад раздранная щека зарубцевалась свежей розовой кожей, резко контрастирующей с грязным небритым подбородком. Потом доковылял до рюкзака, достал бутылку водки и, усевшись на покосившийся ящик, отхлебнул из горлышка.

– Отстань от нее, Смазка. – проворчал он – Псевдогиганту понятно, что она птица непростая. Да только хотела бы она нас сожрать, давно бы убила. Может Зона понаблюдать за нами, остолопами, захотела, может Черный Сталкер, на пару с Семечким в игры играют. А может и правду говорит. Да только угрозы я от нее не чувствую, а моему нюху, ты знаешь, доверять можно.

– Можно говоришь? – Миша сел рядом и принялся ножом ковырять банку тушенки – А когда твой нюх во мне угрозу усмотрел? Меня же твои "деткишки" чуть в расход не пустили по чем зря! Не было никакой угрозы!

– Да ты что? – притворно удивился Волк – Угрозы, говоришь никакой от тебя? А где мы сейчас? И каковы наши шансы отсюда живыми выбраться?

– Ну, – смутился Смазка – я тебя сюда силой не тащил.

– Знаю. – ответил Волк – Но девочку не обижай, хорошая девочка.

Риту бесило что о ней говорят в ее присутствии, не обращая никакого внимания. Она подошла к столу и взяла из рук, обалдевшего от такой наглости Миши, тушенку и стала есть. Смазка хотел было что-то сказать, но махнул рукой и достал из рюкзака еще банку, а Волк одобрительно подмигнул и протянул ей водку. Девушка на секунду замешкалась, при отсутствии столовых приборов, она ела руками, салфеток, тем более рукомойника рядом, разумеется не было. Поборов врожденную чистоплотность, она вытерла пальцы об куртку. Глотнула водки, против ожиданий, качественной. Но все равно горло обожгло и она закашлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.